

СТИВЕН КЛИНГ

11/22/63

Annotation

Этот роман безоговорочно признают лучшей книгой Стивена Кинга и миллионы фанатов писателя, и серьезные литературные критики.

...Убийство президента Кеннеди стало самым трагическим событием американской истории XX века.

Тайна его до сих пор не раскрыта.

Но что, если случится чудо? Если появится возможность отправиться в прошлое и предотвратить катастрофу?

Это предстоит выяснить обычному учителю из маленького городка Джейку Эппингу, получившему доступ к временному portalу.

Его цель — спасти Кеннеди.

Но какова будет цена спасения?

Посвящается Зельде

Привет, милая, добро пожаловать на бал!

Для нашего здравомыслия практически непостижимо, что маленький, одинокий человек смог свалить гиганта, окруженного лимузинами, легионами, толпами, службой безопасности. Если такое ничтожество расправилось с главой самой могущественной страны на земле, тогда трясина несоразмерности засасывает нас и мы живем во вселенной, имя которой — абсурд.

Норман Мейлер

Для влюбленных оспины — что ямочки на щеках.

Японская поговорка

Танец — это жизнь.

Я не из плаксивых, никогда таким не был.

Моя бывшая говорила, что «отсутствие эмоциональной гибкости» — главная причина, по которой она ушла от меня (как будто парень, встреченный ею на собраниях АА, не в счет). По словам Кристи, она смогла бы простить меня за то, что я не плакал на похоронах ее отца: я знал его только шесть лет и не понимал, какой он удивительный, щедрый человек (к примеру, на окончание школы она получила кабриолет «мустанг»). Но потом я не плакал и на похоронах своих родителей — они ушли с промежутком в два года, отец умер от рака желудка, мать — от острого инфаркта миокарда, который случился, когда она прогуливалась по флоридскому берегу, — и тогда Кристи начала понимать, что у меня отсутствует вышеозначенная эмоциональная гибкость. По терминологии АА, я не «чувствовал своих чувств».

— Я никогда не видела тебя плачущим, — говорила Кристи тем бесстрастным тоном, к какому прибегают люди, когда доходит до окончательного, не подлежащего обсуждению разрыва. — Ты не плакал, даже когда сказал мне, что я должна пройти реабилитацию, а не то ты от меня уйдешь.

Разговор этот произошел примерно за шесть недель до того, как она собрала вещи и перевезла их на другой конец города, переехав к Мелу Томпсону. «Найди свою вторую половинку на собрании АА» — еще одна их крылатая фраза.

Я не плакал, когда смотрел, как она уходила. Не плакал и когда вернулся в маленький дом с большой закладной. Дом, в котором не появился ребенок и уже никогда не появится. Я просто лег на кровать, которая теперь принадлежала только мне, прикрыл рукой глаза и стал скорбеть.

Без слез.

Но никакого эмоционального блока у меня нет. В этом Кристи ошиблась. Однажды мама встретила меня, девятилетнего, у двери, когда я вернулся из школы, и сказала, что моего колли, Лохмача, сбил насмерть грузовик, а водитель даже не остановился. Я не плакал на похоронах Лохмача, хотя отец говорил, что никто не примет меня за слюнтяя, если я заплачу, но слезы потекли из глаз, когда мне сказали о гибели собаки. Отчасти — потому что я впервые столкнулся со смертью. В основном — потому что ответственность за гибель пса лежала на мне. Я не убедился, что Лохмач в полной безопасности и не сможет выбежать со двора.

И еще я плакал, когда мамин врач позвонил, чтобы сообщить о случившемся на берегу: «Сожалею, но на спасение не было ни единого шанса. Иногда смерть наступает так внезапно, что врачи склонны видеть в этом благословение свыше».

Кристи при этом не присутствовала — ей пришлось допоздна задержаться в школе, чтобы встретиться с матерью одного ученика: у той возникли вопросы по его успеваемости, — но я плакал, будьте уверены. Пошел в нашу маленькую прачечную, достал из корзины с грязным бельем простыню и поплакал в нее. Не так чтобы долго, однако слезы были. Позже я мог рассказать об этом Кристи, но не видел смысла. По двум причинам. Она могла подумать, что я напрашиваюсь на жалость (у АА такой оборот не в ходу, но, может, им стоило бы взять его на вооружение). И к тому же я не считал залогом крепкой семейной жизни способность в надлежащий момент выжать из себя слезу.

Теперь, по здравом размышлении, я понимаю, что никогда не видел отца плачущим. В момент высшего эмоционального напряжения он тяжело вздыхал, порой с его губ слетали нервные смешки, но бить себя в грудь или гоготать — это не про Уильяма Эппинга. Я помню его строгим, молчаливым, и мать, по большей части, была ему под стать. Поэтому, возможно, отсутствие плаксивости заложено во мне генетически. Однако эмоциональный блок? Нечувствительность к собственным чувствам? Нет, это не про меня.

Не считая того момента, когда мне сообщили о смерти матери, взрослым я плакал, если не изменяет память, лишь однажды, читая историю отца уборщика. Сидел один в учительской средней школы Лисбона и проверял сочинения, написанные моими взрослыми учениками. Снизу доносился шум: удары баскетбольного мяча, свистки судьи, крики болельщиков, наблюдавших за звериным поединком: «Борзые Лисбона» схватились с «Тиграми Джея».

Кто может знать, когда жизнь зависнет на волоске или почему?

Тему я предложил такую: «День, который изменил мою жизнь». В большинстве своем сочинения получились искренние, но ужасные: сентиментальные байки о доброй тетушке, приютившей у себя беременную девушку-подростка, об армейском друге, проявившем настоящую храбрость, о случайной встрече со знаменитостью (вроде бы с Алексом Требеком, ведущим телевикторины «Риск», а может, с Карлом Молденом). Если среди вас есть учителя, которые зарабатывают дополнительные три-четыре тысячи долларов в год за преподавание в классе взрослых учеников, пожелавших получить Общий эквивалентный аттестат^[1], они знают, какое тоскливое занятие — чтение таких сочинений. Необходимость выставить оценку не имеет к этому ни малейшего отношения, по крайней мере для меня: «неуд» я не ставлю никому, потому что никогда не встречал взрослого ученика, не проявлявшего должного старания. Если ты сдаешь сочинение, можешь не сомневаться, что Джейк Эппинг с кафедры английского языка и литературы ЛСШ^[2] поставит тебе положительную отметку, а если текст разделен на абзацы, четверка с минусом точно гарантирована.

Труднее всего то, что учить их приходилось, просто исправляя ошибки — ручкой с красной пастой, и я практически всю ее исписывал. Тоска наваливалась потому, что очень малая часть пасты могла принести пользу: если ты дожил до двадцати пяти — тридцати лет, не зная, как правильно писать слова (полностью — не полнастью), или ставить прописные буквы (Белый дом — не белый-дом), или составлять предложения, содержащие и имя существительное, и глагол, — тебе этому уже никогда не научиться. И тем не менее мы продвигались вперед, смело обводя неправильно использованное либо лишнее слово, скажем, «очень» в предложении «Мой муж сразу решил, что все очень ясно», а также заменяя определенную форму глагола неопределенной, например, «испортится» на «испортиться» в вопросе «Ну что там могло испортиться?».

В тот вечер я занимался этой бессмысленной, занудной работой, тогда как неподалеку баскетбольный матч между школьными командами приближался к завершению еще одной четверти... мир без конца, аминь. Происходило это вскоре после возвращения Кристи из реабилитационного центра, и, пожалуй, если я о чем-то и думал, то лишь об одном: надеялся, что, придя домой, увижу ее трезвой (так и случилось: за трезвость она держалась крепче, чем за мужа). Помнится, появилась легкая головная боль, и я массировал виски, чтобы неприятные ноющие ощущения не сменились размашистыми ударами парового молота. Я помню, как думал: *Еще три штуки — и точка. Я пойду домой, налью большую*

чашку растворимого какао и окунусь в новый роман Джона Ирвинга, выкинув из головы эти искренние, но так плохо написанные сочинения.

Не заиграли скрипки, не зазвенели тревожные колокольчики, когда я взял сочинение уборщика, лежавшее первым в тоненькой стопке еще не прочитанных, и положил перед собой. Не возникло никакого ощущения, что в моей заурядной жизни грядут перемены. Но мы никогда не знаем, что нас ждет, ведь так? Жизнь может развернуться на пяточке.

Уборщик пользовался дешевой шариковой ручкой, паста во многих местах перепачкала все пять страниц, исписанных корявым, но разборчивым почерком, и он, похоже, очень сильно нажимал на ручку, потому что буквально выгравировал эти слова на бумаге. Закрыв глаза и пройдясь подушечками пальцев по обратной стороне вырванных листов, я мог бы прочесть текст, как по Брайлю. Каждая буква «у» снизу заканчивалась маленьким завитком, будто росчерком. Это я помню особенно ясно.

Помню я и начало его сочинения. Слово в слово.

Это был не день а вечер. Вечером который изменил мою жизнь, стал вечер когда мой отец убил мою мать и двух братьев и тяжело ранил меня. От него досталось и моей сестре, и она ушла в кому. Через три года она умерла не очнувшись. Ее звали Элен и я очень ее любил. Она любила собирать цветы и ставить их по вазам.

На середине первой страницы у меня защипало глаза, и я отложил мою верную красную ручку. А когда добрался до того места, где описывалось, как он залез под кровать, а кровь заливала ему глаза (*она также стекала мне в горло, такая мерская на вкус*), из моих собственных глаз покатились слезы — Кристи бы очень мной гордилась. Я дочитал до конца, не исправив ни единой ошибки, вытирая лицо, чтобы влага не размыла слова, которые, несомненно, дались ему с огромным трудом. Раньше я думал, что с головой у него хуже, чем у остальных, что он, возможно, только на полшага опережает тех, кого принято называть «поддающимися обучению умственно отсталыми». Что ж, клянусь Богом, на то была причина. Как и причина для хромоты. Просто чудо, что он вообще остался в живых. Но он выжил. Милый человек, который всегда улыбался и никогда не повышал голос на детей. Милый человек, который прошел через ад, а теперь стремился — смиренно и с надеждой, как большинство моих учеников, — получить аттестат средней школы. Хотя до конца жизни ему предстояло быть уборщиком, неприметным парнем в зеленой или коричневой униформе, шурующим шваброй и соскабливающим с пола жвачку шпателем, который он всегда носил в заднем кармане. Может, он и стал бы кем-то еще, но за один вечер жизнь его круто переменялась, и теперь он — лишь неприметный парень в «Кархарт»^[3], прозванный школьниками Гарри-Жаба за походку.

Я плакал. Настоящими слезами, которые идут от самого сердца. До меня донесся победный марш школьного оркестра. То есть хозяева праздновали победу, и я мог только порадоваться за них. Позже, когда зал опустеет, Гарри и паре его коллег предстояло откатить трибуны и выгрести весь мусор, который набросали зрители.

Я поставил жирную красную пятерку в верхнем правом углу первого листа. Посмотрел на нее пару секунд, а потом добавил большой плюс. Потому что он написал хорошее сочинение и потому что его боль вызвала во мне, читателе, эмоциональную реакцию. А разве не это должно вызывать сочинение, за которое ставят пять с плюсом? Разве не

эмоциональную реакцию?

Если же говорить обо мне, остается только сожалеть, что моя бывшая ошиблась. Увы, с эмоциональным блоком у нее вышла промашка. Потому что эти слезы стали началом всех последовавших событий — всех этих ужасов.

Часть I

Переломный момент

Гарри Даннинг окончил школу с отличием. Я пришел на небольшую церемонию вручения аттестатов взрослым ученикам, которая проводилась в спортивном зале ЛСШ, по его приглашению. А кого еще он мог пригласить? Я откликнулся с радостью.

После завершающей благодарственной молитвы, произнесенной отцом Бэнди, который редко пропускал мероприятия, проводимые в ЛСШ, я сквозь толпу родственников и друзей прошел к одиноко стоявшему Гарри, одетому в просторную черную мантию, с аттестатом в одной руке и взятой напрокат квадратной академической шапочкой в другой. Я забрал у него шапочку, чтобы пожать руку. Он улыбнулся, продемонстрировав оставшиеся зубы (некоторые были кривыми) и дыры между ними. Но улыбка все равно была солнечной и обаятельной.

— Спасибо, что пришли, мистер Эппинг. Огромное спасибо.

— Не за что. И называйте меня Джейк. Это маленькое послабление я делаю всем ученикам, которые по возрасту годятся мне в отцы.

На его лице отразилось недоумение, потом он рассмеялся:

— Действительно гожусь, да? Ну дела!

Я тоже рассмеялся. Вокруг многие смеялись. И разумеется, не обошлось без слез. Мне-то они давались с трудом, а большинству — легко.

— За всю жизнь ни разу не получал пятерку с плюсом! И не ожидал получить!

— Вы ее заслужили, Гарри. И что вы сделаете в первую очередь, имея на руках аттестат средней школы?

Улыбка на мгновение поблекла — так далеко он еще не заглядывал.

— Скорее всего пойду домой. Я снимаю домик на Годдард-стрит. — Он поднял аттестат, держа кончиками пальцев, словно боялся, что чернила могут размазаться: — Вставлю его в рамку и повешу на стену. Потом, наверное, налью стакан вина, сяду на диван и буду восхищаться им, пока не придет время ложиться спать.

— План неплохой, — кивнул я, — но как насчет того, чтобы сначала съесть бургер с жареной картошкой? Мы можем посидеть у Эла.

Я ожидал, что он поморщится, но, разумеется, так сделали бы разве что только мои коллеги. Нет, еще и большинство детей, которых мы учили. Забегаловку Эла они обходили как чумной барак, отдавая предпочтение «Дейри куин» напротив школы и кафе «Хай-хэт» на шоссе номер 196, рядом с тем местом, где когда-то находился старый автокинотеатр Лисбона.

— С удовольствием, мистер Эппинг. Спасибо!

— Джейк, помните?

— Джейк, точно.

И я отвез Гарри к Элу, куда другие учителя не заглядывали, и хотя в то лето Эл нанял официантку, он обслужил нас сам. Как обычно, с сигаретой (закон запрещает курение в барах, кафе и ресторанах, но Эла это никогда не останавливало), свисавшей из уголка рта, и прищуренным от дыма глазом. Увидев сложенную выпускную мантию и поняв, по какому случаю праздник, он настоял, что угостит нас за счет заведения (если на то пошло, все блюда у Эла стоили на удивление дешево, подпитывая определенные слухи о судьбе бродячих

животных, заглянувших в окрестности забегаловки). Он также сфотографировал нас, чтобы потом повесить фотографию на так называемую Городскую стену славы. Среди других «знаменитостей», удостоенных этой чести, я видел ныне покойного Альберта Дантона, основателя ювелирного магазина «Ювелирные изделия Дантона», Эрла Хиггинса, бывшего директора ЛСШ, Джона Крафтса, владельца «Автомобильного салона Джона Крафтса», и, разумеется, отца Бэнди из церкви Святого Кирилла (рядом со святым отцом висела фотография папы Иоанна XXIII, который хоть и не был уроженцем Лисбона, но вызывал глубокое почтение у «добротного католика» Эла Темплтона). На фотографии, сделанной Элом в тот день, Гарри Даннинг улыбался во весь рот. Я стоял рядом с ним, и мы оба держали аттестат Гарри. Узел его галстука чуть съехал набок. Я помню это, потому что галстук навеял мысли о маленьких завитках, которыми заканчивались снизу буквы «у». Я все помню. Помню очень хорошо.

2

Двумя годами позже, в последний учебный день, я сидел в той самой учительской и читал итоговые сочинения, написанные участниками моего семинара по американской поэзии. Сами ученики уже ушли, у них начались летние каникулы, и в самом скором времени я собирался последовать их примеру. Но пока я наслаждался непривычной тишиной и покоем. Даже подумал, что перед уходом приберу полки буфета, где хранилась еда. Решил, что это обязательно нужно сделать.

В тот день, только раньше, вскоре после часов, отведенных на самостоятельные занятия (в последний учебный день они бывают особенно шумными что в классах для выполнения домашних заданий, что в коридорах), ко мне, прихрамывая, подошел Гарри и протянул руку:

— Просто хочу поблагодарить вас за все.

Я улыбнулся:

— Вы уже поблагодарили, как мне помнится.

— Да, но это мой последний день. Ухожу на пенсию. Поэтому захотел подойти и поблагодарить еще раз.

Когда я пожимал его руку, проходивший мимо подросток (девятиклассник, никак не старше, если судить по свежей россыпи прыщей и комичной щетине, которую он пытался превратить в козлиную бородку) пробормотал:

— Гарри-Жаба прыгает по а-ве-ню!

Я попытался ухватить его за плечо, чтобы он извинился, но Гарри меня остановил. По его улыбке чувствовалось, что он нисколько не обиделся.

— Не берите в голову. Я к этому привык. Это же дети.

— Совершенно верно, — кивнул я. — И наша работа — учить их.

— Я знаю, и у вас получается. Но это не моя работа — служить для кого-то... как это называется... наглядным пособием. Особенно сегодня. Надеюсь, все у вас будет хорошо, мистер Эппинг.

По возрасту он, возможно, годился мне в отцы, но называть меня Джейком у него не получалось.

— И у вас тоже, Гарри.

— Я никогда не забуду ту пятерку с плюсом. Сочинение тоже поместил в рамочку. Висит у меня на стене рядом с аттестатом.

— И это правильно.

Я не кривил душой. Я верил, что это правильно. Воспринимал его сочинение как произведение примитивного искусства, ничуть не уступающее по мощи воздействия и искренности картинам Бабушки Мозес^[4]. Оно на порядок превосходило сочинения, которые я сейчас читал. Пусть в них практически не было орфографических ошибок и слова мои ученики выбирали правильно (хотя эти нацелившиеся на колледж перестраховщики тяготели — что раздражало — к частому использованию страдательного залога), но сочинения получались пресными. Скучными. Участники моего семинара учились в предвыпускном классе (выпускников Мак Сидман, заведующий кафедрой, забирал себе), да только писали они, как старички и старушки: «О-о-о, Милдред, душечка, там лед, смотри не поскользнись». Гарри Даннинг, несмотря на ошибки и натужный почерк, писал, как полубог. Хотя бы один раз.

И пока я размышлял о разнице между энергичной и инертной манерами письма, прокашлялся настенный аппарат внутренней связи.

— Мистер Эппинг все еще в учительской западного крыла? Джейк, ты на месте?

Я поднялся, нажал кнопку.

— На месте, Глория. Грехи не отпускают. Чем я могу тебе помочь?

— Тебе звонят. Какой-то Эл Темплтон. Если хочешь, могу перевести звонок на учительскую. Или скажу ему, что ты уже ушел.

Эл Темплтон — владелец и шеф-повар «Закусочной Эла», которую наотрез отказывались посещать все учителя ЛСШ, за исключением вашего покорного слуги. Даже мой глубокоуважаемый заведующий кафедрой — пытавшийся говорить как маститый преподаватель Кембриджа и приближавшийся к пенсионному возрасту — называл фирменное блюдо закусочной «Знаменитый котобургер Эла», хотя в меню значился «Знаменитый толстобургер Эла».

Возможно, это не кошатина, как утверждают многие, наверняка не кошатина, но это и не говядина, не может это быть говядиной за доллар девятнадцать.

— Джейк? Ты что, уснул?

— Нет, сна ни в одном глазу. — Меня разбирало любопытство: с чего это Эл сподобился позвонить мне в школу? Если на то пошло, раньше он вообще никогда не звонил. Наши отношения не выходили за рамки повар — клиент. Я высоко ценил его кулинарное мастерство, а он — мои регулярные визиты. — Конечно, соедини меня.

— А что ты там до сих пор делаешь?

— Занимаюсь самобичеванием.

— О-о-о, — простонала Глория, и я легко представил, как затрепетали ее длинные ресницы. — Как мне нравится, когда ты так говоришь. Жди звоночка.

Она отключила связь. Тут же зазвонил телефон, и я снял трубку.

— Джейк? Это ты, дружище?

Поначалу я подумал, что Глория напутала с именем. Этот голос никак не мог принадлежать Элу. При самой жуткой простуде он не мог так хрипеть.

— Кто это?

— Эл Темплтон, разве она не сказала? Боже, от вашей музыкальной заставки просто тошнит. Что случилось с Конни Фрэнсис? — Он начал так громко и надсадно кашлять, что я отодвинул трубку от уха.

— Ты, похоже, подхватил грипп.

Он рассмеялся, продолжая кашлять. Сочетание получилось не из лучших.

— Что-то я подхватил, это точно.

— Быстро же тебя скрутило.

Я заглядывал к нему вчера, на ранний ужин: толстобургер, картофель фри, клубничный молочный коктейль. Считаю, что человеку, который живет один, необходимо сбалансированное питание.

— Можно сказать и так. А можно сказать, что какое-то время мой организм боролся. Оба варианта правильные.

Я не знал, что на это ответить. За последние шесть или семь лет мы часто болтали с Элом, когда я приходил в его закусочную, и иной раз он вел себя довольно странно — скажем, называл «Патриотов Новой Англии»^[5] «Бостонскими патриотами», а о Тэде Уильямсе^[6] говорил так, будто знал его, как брата, — но столь необычного разговора я припомнить не мог.

— Джейк, мне надо с тобой увидеться. Это важно.

— Могу я спросить...

— Я уверен, ты задашь не один вопрос, и я отвечу на все, но не по телефону.

Я не знал, сколько ответов услышу до того, как его голос окончательно сядет, но пообещал, что буду примерно через час.

— Спасибо. Если сможешь, постарайся побыстрее. Не зря же говорят, что время — деньги.

И он положил трубку. Взял и положил, не попрощавшись.

Я прочитал еще два сочинения. В стопке осталось только четыре, но раскрывать их я не стал. Пропал настрой. В итоге смахнул оставшиеся работы в портфель и отбыл. Мелькнула мысль, а не подняться ли наверх, в секретариат, чтобы пожелать удачного лета Глории, но я решил, что необходимости в этом нет. Я знал, что всю следующую неделю она проведет в школе — будет заниматься подготовкой отчета за учебный год, — а я собирался прийти сюда в понедельник, чтобы очистить полки буфета: дал себе слово. Иначе преподаватели, решившие летом использовать западную учительскую, обнаружат, что она кишит тараканами.

Если бы я мог предположить, что меня ждет, обязательно поднялся бы наверх повидаться с Глорией. Возможно, одарил бы ее поцелуем, который словно висел между нами в воздухе последнюю пару месяцев. Но разумеется, я не знал, что меня ждет. Жизнь может развернуться на пяточке.

«Закусочная Эла» — серебристый трейлер, отделенный от Главной улицы железнодорожными путями, — стояла в тени старой фабрики Ворамбо. Такие забегаловки обычно смотрятся неприглядно, но Эл разбил цветочные клумбы перед бетонными блоками, на которых размещался трейлер. Здесь даже нашлось место лужайке, и Эл аккуратно выкашивал ее старомодной механической косилкой, за которой ухаживал ничуть не меньше, чем за клумбами и газоном. Ни единого пятнышка ржавчины не темнело на сверкающих, заточенных ножах. Если судить по внешнему виду, косилку могли купить неделей раньше в магазине «Уэстерн авто»... если бы такой магазин еще существовал, а не пал жертвой

гипермаркетов.

Я прошел по мощеной дорожке, поднялся по ступеням и остановился, нахмурившись. Вывеска с надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ЗАКУСОЧНУЮ ЭЛА» — ДОМ ТОЛСТОБУРГЕРА!» исчезла. Ее место занял квадратный кусок картона, гласивший: «ЗАКРЫТО И БОЛЬШЕ НЕ ОТКРОЕТСЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ ВЛАДЕЛЬЦА. СПАСИБО, ЧТО ПРИХОДИЛИ ДОЛГИЕ ГОДЫ, И ДА БЛАГОСЛОВИТ ВАС ГОСПОДЬ».

Я еще не канул в туман нереальности, которому предстояло вскоре поглотить меня, но первые его щупальца уже начали приближаться, и я их почувствовал. Летняя простуда не могла вызвать те хрипы в голосе Эла, тот надсадный кашель. И грипп тоже. Судя по объявлению, речь шла о чем-то более серьезном. Но какая тяжелая болезнь способна так развиться за двадцать четыре часа? Даже меньше? Часы показывали половину третьего. Вчера вечером я ушел от Эла без четверти шесть, и он прекрасно себя чувствовал. Пребывал в очень приподнятом настроении, чуть ли не в экзальтации. Помнится, я спросил его, не многовато ли он пьет кофе собственного приготовления, и он ответил, что нет, просто думает о том, чтобы взять отпуск. Разве люди, которые болевают, причем так тяжело, чтобы закрыть заведение, где в одиночку хозяйничали больше двадцати лет, говорят о намерении уйти в отпуск? Кто-то, возможно, и говорит, но не так чтобы многие.

Дверь открылась, как только я потянулся к ручке, и за порогом стоял Эл, глядя на меня без тени улыбки. Я смотрел на него, чувствуя, как сгущается туман нереальности. День выдался теплым, но мне стало холодно. В этот момент еще можно было повернуться и уйти, выбраться на июньское солнце, и в глубине я хотел это сделать, однако застыл от изумления и испуга. А также от ужаса, готов признать. Тяжелая болезнь всегда пугает нас, правда? А в том, что Эл тяжело болен, сомнений быть не могло. Я это понял с первого взгляда. Я бы даже сказал, что он болен смертельно.

Поражало не то, что обычно румяные щеки Эла ввалились и побледнели. И не то, что какие-то выделения сочились из уголков его голубых глаз, теперь выцветших и сощуренных, как при близорукости. И не то, что практически черные волосы стали совсем седыми, — в конце концов, он мог пользоваться красящим бальзамом, а тут вдруг смысл его, и волосы приняли естественный цвет.

Дело было в другом: за двадцать два часа, прошедших с нашей последней встречи, Эл Темплтон похудел как минимум на тридцать фунтов. Может, на сорок, то есть потерял четверть своего прежнего веса. Никто не может похудеть за день на тридцать или сорок фунтов, никто. Но я видел перед собой такого человека. Вот тут-то туман нереальности и накрыл меня с головой.

Эл улыбнулся, и стало понятно, что, кроме веса, он потерял еще и зубы. Десны выглядели бледными и нездоровыми.

— Как тебе нравится такой Эл, Джейк? — спросил он и закашлялся, хриплые, лающие звуки поднимались откуда-то из глубины груди.

Я открыл рот. Но с губ не сорвалось ни звука. Вновь появилось трусливое мерзкое желание бежать отсюда, однако я не смог бы этого сделать, даже если бы захотел. Ноги просто приросли к полу.

Эл обуздал кашель и вытащил из заднего кармана носовой платок. Вытер рот, потом ладонь. Прежде чем Эл убрал платок, я заметил на нем кровь.

— Заходи. Мне надо многое рассказать, и я думаю, что выслушать меня можешь только ты. Выслушаешь?

— Эл... — Мой голос звучал так тихо, что я сам едва слышал его. — Что с тобой случилось?

— Ты выслушаешь меня?

— Разумеется.

— У тебя будут вопросы, я постараюсь ответить на те, что смогу, но ты уж сведи их к минимуму. Не знаю, долго ли смогу говорить. Черт, да и сил осталось не много. Заходи.

Я вошел. Увидел, что в помещении сумрачно, и прохладно, и пусто. Чистая, без единой крошки, стойка. Поблескивающие хромом высокие стулья. Сверкающий никелем кофейник. И табличка «ЕСЛИ ТЕБЕ НЕ НРАВИТСЯ НАШ ГОРОД, ПОИЩИ РАСПИСАНИЕ» на установленном месте у кассового аппарата. Недоставало только посетителей.

И разумеется, повара-владельца. Место Эла Темплтона занял пожилой, болезненный призрак. Когда он повернул защелку, запирая дверь, по залу разнесся слишком громкий звук.

4

— Рак легких, — буднично объяснил Эл, когда мы устроились в одной из кабинок в глубине зала. Похлопал по нагрудному карману рубашки, и я заметил, что он пуст. Всегда лежавшая в нем пачка «Кэмела» без фильтра исчезла. — Неудивительно. Я начал курить в одиннадцать и бросил, лишь когда мне поставили диагноз. Более пятидесяти чертовых лет. Три пачки в день, пока в две тысячи седьмом не подскочила цена. Тогда пришлось пойти на жертвы и ограничиться двумя пачками. — Он сипло рассмеялся.

Я хотел было сказать ему, что у него не все в порядке с математикой, поскольку знал его настоящий возраст. Как-то в конце зимы я пришел в забегаловку, а он стоит за грилем в детской шляпе с надписью «С днем рождения». Я спросил, по какому поводу, и он ответил: «Сегодня мне пятьдесят семь, дружище. Так что можешь звать меня Хайнцем»^[7]. Но Эл попросил задавать только те вопросы, которые я сочту абсолютно необходимыми, и корректировка возраста в них не входила.

— На твоём месте — а я бы с радостью на нём оказался, хотя совершенно не хочу, чтобы ты попал на мое, при нынешнем раскладе, — я бы подумал: «Здесь какая-то лажа. За одну ночь рак не может так далеко зайти». Правильно?

Я кивнул. Конечно же, правильно.

— Ответ прост. Он так далеко зашел не за одну ночь. Я начал выхаркивать мозги примерно семь месяцев назад, где-то в мае.

Что ж, он меня удивил. Если он и выхаркивал мозги, то не в моем присутствии. И опять у него произошла математическая накладка.

— Эл, ты что? Сейчас июнь. Если отсчитать семь месяцев назад, будет декабрь.

Он помахал рукой — пальцы стали совсем тонкими, перстень морпехов свободно болтался, хотя раньше сидел плотно, — как бы говоря: «Давай не будем терять на это время».

— Сначала я думал, что сильно простудился. Но температура не поднялась, а кашель, вместо того чтобы пройти, только усиливался. И я начал худеть. Что ж, я не идиот, дружище, и всегда знал, что могу вытащить карту с большой буквой «Р»... хотя мой отец и мать дымили как чертовы заводские трубы и прожили больше восьмидесяти лет. Вечно мы находим оправдания своим вредным привычкам, верно?

Он опять закашлялся, достал носовой платок. Когда приступ закончился, Эл продолжил:

— У меня нет времени переводить разговор на другую тему, но я это делал всю жизнь, и

трудно теперь отказаться. Если хочешь знать, труднее, чем от сигарет. В следующий раз, когда меня потянет в сторону, проведи пальцем по горлу, хорошо?

— Хорошо, — согласился я. Мелькнула мысль, что мне все это снится. Если так, сон получился очень уж реальный, даже с тенями от лопастей медленно вращающегося потолочного вентилятора на салфетках с надписью «САМАЯ БОЛЬШАЯ НАША ЦЕННОСТЬ — ЭТО ВЫ».

— Короче говоря, я отправился к врачу, сделал рентген, и они выявились, большие, как чертовы яйца, две опухоли. Прогрессирующий некроз. Неоперабельные.

Рентген, подумал я. *Неужели до сих пор используют рентген, чтобы диагностировать рак?*

— Какое-то время я там поболтался, но в итоге мне пришлось вернуться.

— Откуда? Из Льюистона? Из Центральной больницы штата Мэн?

— Из моего отпуска. — Он пристально смотрел на меня. — Только это был не отпуск.

— Эл, я ничего не понимаю. Вчера ты был здесь и прекрасно себя чувствовал.

— Внимательно присмотришься к моему лицу. Начни с волос и продвигайся вниз. Постарайся не замечать воздействия рака — он сильно меняет внешность человека, в этом сомнений нет, — а потом скажи, тот ли я человек, которого ты видел вчера.

— Что ж, ты, очевидно, смыл краску...

— Никогда ею не пользовался. Не буду обращать твое внимание на зубы, которые потерял, пока находился... далеко. Я знаю, ты это заметил. Думаешь, это воздействие рентгеновского аппарата? Или стронция-девяносто в молоке? Я никогда не пью молоко, разве что добавляю капельку в последнюю за день чашку кофе.

— Какого стронция?

— Не важно. Попробуй посмотреть на меня, как женщины смотрят на других женщин, когда хотят определить возраст.

Я попытался последовать его совету, и хотя любой суд откажется принять мои наблюдения в качестве доказательств, меня они убедили. От уголков глаз расходились паутинки морщинок, хватало их, маленьких и тонких, и на веках, как у всех тех, кому больше не приходится доставать дисконтную пенсионную карточку, подходя к кассе многозального кинотеатра. Отсутствовавшие вчера бороздки синусоидами пересекали лоб. Еще две морщины, гораздо более глубокие, отходили от уголков рта. Подбородок заострился, кожа на шее обвисла. Острый подбородок и обвисшую кожу я мог отнести к катастрофической потере веса, но эти морщины... и если он не лгал о волосах...

Эл еле заметно улыбался. Мрачновато, но не без юмора. И от его улыбки мне стало совсем тошно.

— Помнишь мой день рождения в начале марта? «Не волнуйся, Эл, — сказал ты, — если эта дурацкая шляпа загорится, когда ты наклонишься над грилем, я схвачу огнетушитель и потушу тебя». Помнишь?

Я помнил.

— Ты сказал, что теперь я могу называть тебя Хайнцем.

— Да. А теперь мне шестьдесят два. Я знаю, из-за рака выгляжу старше, но это... и это... — Он коснулся сначала лба, потом уголка глаза. — Это естественные возрастные татуировки. Знаки доблести, если хочешь.

— Эл... я бы выпил стакан воды.

— Конечно. Шок, правда? — Он сочувственно посмотрел на меня. — Ты думаешь: «Или

я сошел с ума, или он, или мы оба». Знаю. Я это уже проходил.

Не без усилия он вылез из кабинки, ухватившись правой рукой за левую подмышку, словно опасался, что развалится. Потом повел меня за стойку. И пока мы шли, я отметил еще один нюанс этой нереальной встречи: за исключением тех случаев, когда мы делили скамью в церкви Святого Кирилла (такое бывало редко; хотя меня и воспитывали в вере, католик я плохой) или встречались на улице, я никогда не видел Эла без его поварского фартука.

Он снял с полки сверкающий стакан и налил мне воды из поблескивающего хромом крана. Я поблагодарил его и повернулся, чтобы вернуться в кабинку, но он похлопал меня по плечу. Лучше бы он этого не делал. Казалось, меня коснулась рука кольриджского древнего морехода^[8], остановившего одного из троих.

— Я хочу, чтобы ты увидел кое-что, прежде чем мы снова сядем. Так будет быстрее. Только «увидел» — слово неправильное. Точнее — испытал. Пей, дружище.

Я выпил полстакана холодной вкусной воды, но при этом не отрывал глаз от Эла. Я словно трусливо ожидал, что на меня сейчас набросятся, как на первую, ничего не подозревающую жертву фильма о маньяках, в названии которого обязательно присутствует цифра. Но Эл просто стоял, опираясь рукой о стойку. Морщинистая кожа, большие костяшки. Определенно не рука человека, которому только под шестьдесят, пусть и больного раком. А еще...

— Это результат воздействия радиации? — спросил я.

— Что?

— Ты загорелый. Я не говорю про темные пятна на тыльной стороне ладоней. Такое бывает или от радиации, или от слишком долгого пребывания на солнце.

— Раз курс лучевой терапии я не проходил, остается солнце. За последние четыре года я провел много времени на солнце.

Насколько я знал, большую часть последних четырех лет Эл жарил бургеры и взбивал молочные коктейли под флуоресцентными лампами, но говорить об этом не стал. Допил воду. Когда ставил стакан на пластиковую стойку, заметил, что моя рука немного трясется.

— Ладно, так что я должен увидеть? Или испытать?

— Иди сюда.

Он повел меня по узкому проходу мимо двустороннего гриля, фритюрниц, раковины, холодильника «Фросткинг», гудящей морозильной камеры высотой по пояс. Остановился перед выключенной посудомоечной машиной и указал на дверь в конце кухни. Низкую дверь. Элу, ростом пять футов и семь дюймов или около того, приходилось наклоняться, чтобы войти в нее. Меня, с моими шестью футами и четырьмя дюймами, некоторые ученики называли Эппинг-Вертолет.

— Вот, — кивнул он. — Войди в эту дверь.

— Разве у тебя там не кладовка? — Вопрос был риторический. За долгие годы я не раз и не два видел, как он выносил оттуда банки, сетки с картофелем, пакеты с бакалеей, и точно знал, что находится за дверью.

Эл меня вроде бы и не услышал.

— Ты знал, что сначала я открыл это заведение в Оберне?

— Нет.

Он кивнул, и этого хватило, чтобы вызвать очередной приступ кашля. Эл подавил его платком, на котором расплывались все новые красные пятна. Когда кашель наконец стих, он бросил платок в мусорное ведро и взял несколько салфеток из коробки на стойке.

— Этот трейлер — «Алюминеёр», сделан в тридцатых годах в стиле ар деко. Я такой хотел с тех пор, как отец ребенком взял меня в «Жуй-и-болтай» в Блумингтоне. Купил его полностью оборудованным и открыл закусочную на Сосновой улице. Пробыв там год, понял, что разорюсь, если останусь. По соседству хватало ресторанов и кафе быстрого обслуживания, хороших и не очень, но со своей клиентурой. Я же напоминал юношу, который только что окончил юридическую школу и пытается практиковать в городе, где уже работает с десятков уважаемых адвокатских контор. Опять же, тогда «Знаменитый толстобургер Эла» стоил два с половиной бакса. И в девяностом году за меньшую цену я его продавать не мог.

— Тогда какого черта сейчас ты продаешь его в два раза дешевле? Если только это все-таки не кошатина.

Он фыркнул, и звук этот эхом отдался глубоко у него в груди.

— Дружище, я продаю стопроцентно чистую американскую говядину, лучшую в мире. Известно ли мне, что говорят люди? Естественно. Я не обращаю на это внимания. Что тут поделаешь? Затыкать им рты? С тем же успехом можно пытаться не давать ветру дуть.

Я провел пальцем по шее. Эл улыбнулся:

— Да, ухажу в сторону, но по крайней мере цена говядины — часть истории. Я мог бы и дальше биться головой о стенку на Сосновой улице, однако Ивонн Темплтон дураков не воспитывала. «Лучше убегите и подеритесь в другой день», — говорила она нам в детстве. Я собрал оставшиеся деньги, выпросил в банке еще пять тысяч ссуды — не спрашивай как — и перебрался в Фоллс. Сверхприбыли по-прежнему нет — экономика не в том состоянии, а еще эти глупые разговоры о котобургерах, или песобургерах, или скусобургерах, у людей фантазия богатая, — да только теперь я не зависел от экономики, как все остальные. И причина тому — за этой дверью в кладовку. В Оберне за ней ничего особенного не было. Я готов поклясться в этом на стопке Библий высотой десять футов. Все проявилось только здесь.

— О чем ты?

Он пристально посмотрел на меня водянистыми, за ночь постаревшими глазами:

— Сейчас говорить больше не о чем. Тебе надо все увидеть самому. Вперед, открой дверь.

На моем лице наверняка читалось сомнение. Эл подбодрил меня:

— Считаю, это последняя просьба умирающего. Давай, дружище. Если только ты мне друг. Открой дверь.

5

Я бы солгал, сказав, что бег сердца не ускорился, когда я повернул ручку и потянул дверь на себя. Я понятия не имел, с чем могу столкнуться (хотя, помнится, в голове мелькнул образ дохлых кошек, освежаванных и готовых к превращению в фарш в электрической мясорубке), но когда Эл протянул руку и включил свет, я увидел, что за дверью...

Всего лишь кладовка.

Маленькая, такая же ухоженная и опрятная, как и вся закусочная. На полках вдоль стен — большие, ресторанной расфасовки, банки консервов. В дальнем конце, где крыша плавно шла вниз, нашлось место порошкам и прочим чистящим средствам. Щетка и швабра лежали на полу, потому что потолок и пол разделяли только три фута. Пол застилал тот же серый

линолеум, но пахло не жареным мясом, как в зале, а кофе, овощами и специями. Ощущался и еще какой-то запах, слабый и не очень приятный.

— Ладно, — кивнул я, — это кладовка. Много всего, все аккуратно сложено. По управлению припасами, если такой предмет существует, ставлю тебе пятерку.

— Чем тут пахнет?

— В основном специями. Кофе. Может, еще освежителем воздуха. Не знаю.

— Да, я использую «Глейд». Из-за того запаха. Ты хочешь сказать, что больше ничего не чувствуешь?

— Что-то есть. Похоже на серу. Наводит на мысли о горелых спичках. — Я также подумал и об отравляющем газе, что мы всей семьей выпускали после тушеных бобов, которые мама обычно готовила на субботний ужин, но не упомянул об этом. А может, лекарства от рака вызывают пердеж?

— Это сера. Есть и другие запахи, тоже не «Шанель номер пять». Фабричная вонь, дружище.

Безумие продолжалось, но я смог ответить лишь (да и то абсурдно-вежливым тоном, принятым на коктейльной вечеринке):

— Правда?

Эл опять улыбнулся, продемонстрировав десны, из которых всего днем раньше выступали ровные зубы.

— Ты вежливо намекаешь, что фабрика Ворамбо закрылась, когда меня еще на свете не было? Если на то пошло, в конце восьмидесятых она сгорела почти дотла, а то, что осталось, — он ткнул пальцем себе за плечо, — всего лишь склад-магазин готовой продукции. Одна из главных туристических достопримечательностей, наряду с «Кеннебек фрут компани», где продают «Мокси». И еще ты думаешь, что сейчас самое время достать мобильник и вызвать парней в белых халатах. Так ведь, дружище?

— Я никому не собираюсь звонить, потому что ты не псих. — Правда, я сам не верил в то, что говорил. — Но это всего лишь кладовка, а фабрика Ворамбо за последнюю четверть века не выткала ни рулона ткани.

— Ты никому не позвонишь, это точно, поскольку я хочу, чтобы ты отдал мне мобильник, бумажник и все деньги, что у тебя в карманах, включая монеты. Это не ограбление. Я тебе все верну. Ты отдашь мне эти вещи?

— Сколько у меня уйдет на это времени, Эл? Мне нужно прочитать несколько сочинений, чтобы выставить итоговые оценки за этот учебный год.

— Оставайся там сколько хочешь, — ответил Эл, — потому что это займет две минуты. Это *всегда* занимает две минуты. Останься на час и как следует осмотришь, если возникнет желание, но я бы этого делать не стал, во всяком случае, в первый раз, потому что потрясение будет слишком велико. Ты сам увидишь. Доверишься мне? — Что-то в моем лице заставило его напрячься. — Пожалуйста. *Пожалуйста*, Джейк. Желание умирающего.

Я уже точно знал, что Эл безумен, но знал и другое: он не ошибается по части своего состояния. За время нашего недолгого разговора его глаза, казалось, еще глубже погрузились в глазницы. И он совершенно выдохся. Двух десятков шагов от кабинки в одном конце закусочной до кладовки в другом хватило для того, чтобы он покачивался, едва держась на ногах. «И еще окровавленный носовой платок, — напомнил я себе. — Не забывай про окровавленный носовой платок».

И... я понял, что проще пойти ему навстречу. Вы со мной не согласны?

«Не противься, и пусть будет по-Божьему» — так им нравится говорить на собраниях, которые посещает моя бывшая, но я решил, что тут все иначе: не противься, и пусть все будет, как хочет Эл. Во всяком случае, до какого-то предела. И почему нет? — сказал я себе. Когда садишься в самолет приходится пройти через большую хренотень. А Эл даже не попросил меня снять обувь и поставить на транспортер.

Я вытащил мобильник из чехла на ремне, положил на картонную коробку с банками консервированного тунца. Добавил бумажник, тонкую пачку купюр, доллар пятьдесят или чуть больше мелочью и кольцо с ключами.

— Ключи оставь, они значения не имеют.

Для меня имели, но я промолчал.

Эл сунул руку в карман и достал пачку денег, куда более толстую, чем та, что лежала на коробке. Протянул мне:

— Заначка. Вдруг ты захочешь купить сувенир или что-то еще. На, бери.

— Почему я не могу воспользоваться своими деньгами? — Я подумал, что задаю вполне логичный вопрос. При условии, что этот безумный разговор укладывался в логические рамки.

— Сейчас не будем об этом, — сказал он. — Личный опыт ответит на большинство твоих вопросов лучше, чем это сделал бы я даже в отличной форме, а сейчас с формой у меня просто беда. Возьми деньги.

Я взял и просмотрел их. Сверху лежали долларовые купюры, и выглядели они так же, как те, которыми я привык пользоваться. Потом я добрался до пятерки, и тут обнаружились отличия. Над изображением Авраама Линкольна появилась надпись: **SILVER CERTIFICATE**^[9], а слева от нее — большая синяя цифра «5». Я поднял купюру, чтобы посмотреть на просвет.

— Это не подделка, если у тебя возникла такая мысль. — По интонациям хрипатого голоса чувствовалось, что Эла моя реакция забавляет.

Может, и нет — на ощупь вроде бы настоящая, как и на вид, — но где водяные знаки?

— Если купюра и настоящая, то очень старая.

— Джейк, просто сунь деньги в карман.

Я сунул.

— У тебя есть карманный калькулятор? Какие-то электронные штучки?

— Нет.

— Тогда, думаю, ты готов. Повернись лицом к дальней стене кладовки. — Прежде чем я успел это сделать, он хлопнул себя по лбу. — Господи, что у меня с головой? Я забыл про Человека с желтой карточкой.

— Кого? Что?

— Человек с желтой карточкой. Так я его зову, а настоящего имени не знаю. Вот, возьми. — Он порылся в кармане и протянул мне пятидесятицентовую монету. Такой я не видел уже много лет. Возможно, с детства.

Я подкинул ее на ладони.

— Не думаю, что ты хочешь расстаться с ней. Она же ценная.

— Естественно, ценная, стоит полбакса.

Он закашлялся, и на этот раз кашель сотрясал его, как сильный ветер, но отмахнулся, когда я шагнул к нему. Оперся о картонные коробки — на верхней лежали вещи и деньги, которые я достал из карманов, — сплюнул в бумажные салфетки, посмотрел, поморщился,

потом сжал салфетки в кулаке. Его осунувшееся лицо теперь блестело от пота.

— Прилив или что-то в этом роде. Чертов рак нарушает терморегуляцию, как и все остальное. Теперь о Человеке с желтой карточкой. Он безвредный алкаш, но не похож на остальных. Словно что-то *знает*. Я думаю, это всего лишь совпадение — он обязательно будет слоняться неподалеку от того места, где ты выйдешь, — но я хотел бы подготовить тебя к встрече с ним.

— Пока у тебя получается не очень, — заметил я. — Я не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь.

— Он скажет: «У меня желтая карточка из зеленого дома, так что дай мне бакс, потому что сегодня — день двойной выплаты». Ты понял?

— Понял. — Безумие крепчал.

— И у него есть желтая карточка, она заткнута за ленту шляпы. Может, это визитная карточка таксомоторной компании или купон «Ред энд уайт», найденный в сточной канаве, но мозги у него высушены дешевым вином, и, возможно, он думает, что карточка эта — что золотой билет Вилли Вонки^[10]. В любом случае ты ответишь: «Бакс дать не могу, но держи половину», — и отдашь ему монету. Тогда он может сказать... — Эл поднял костлявый палец. — Он может сказать что-то вроде: «Почему ты здесь?» или «Откуда ты пришел?» Он *может* сказать: «Ты не тот парень». Вряд ли скажет, но это возможно. Я много чего не знаю. Что бы он ни сказал, оставь его у сушильного сарая — там он обычно сидит — и иди к воротам. Он скорее всего скажет тебе вслед: «Я *знаю*, ты можешь дать мне бакс, жадюга», — но не обращай на это внимания. Не оглядывайся. Перейди железнодорожные пути — и окажешься на пересечении Главной улицы и Лисбон-стрит. — Тут он насмешливо улыбнулся. — А потом, дружище, мир — твой.

— Сушильный сарай?

Я смутно помнил, что рядом с тем местом, где теперь находилась закусочная, вроде бы *что-то* стояло, может, и сушильный сарай старой фабрики Ворамбо, но здание это, для чего бы оно ни использовалось, давно снесли. И будь в дальней стене чисто прибранной кладовки, то есть в торце «Алюминейра», окошко, оно бы смотрело на вымощенный камнем двор и магазин верхней одежды, который назывался «Уютный уголок Мэна». Перед Рождеством я купил там теплую куртку «Норс фейс», и по очень хорошей цене.

— Забудь про сушильный сарай, просто запомни все, что я тебе сказал. А теперь снова повернись... правильно... и сделай два-три шага вперед. Маленьких шажка. Детских. Будто в темноте пытаешься найти верхнюю ступеньку лестницы... Осторожно...

Я в точности выполнил его указания, чувствуя себя полным идиотом. Один шаг... Мне пришлось наклонить голову, чтобы не зацепиться за алюминиевый потолок... Два шага... Теперь я ссутулился. Еще пара шагов, и я буду вынужден опуститься на колени. Этого я делать не собирался, даже по просьбе умирающего.

— Слушай, это глупо. Если только ты не хочешь, чтобы я принес тебе коробку с фруктовым коктейлем или пару пакетиков желе, мне здесь нече...

Тут моя нога ушла вниз, как происходит, когда спускаешься по ступенькам. Да только она по-прежнему твердо стояла на темно-сером линолеуме. Я отлично ее видел.

— Поехали. — Хриплость ушла из голоса Эла, во всяком случае, временно: удовлетворенность добавила ему мягкости. — Ты ее нашел, дружище.

Но что я нашел? Что именно я испытывал? Похоже, воображение сыграло со мной злую шутку, поскольку, что бы я ни чувствовал, я видел, что нога по-прежнему стоит на полу.

Только...

Вы знаете, как в яркий, солнечный день, закрыв глаза, можно увидеть то, на что вы перед этим смотрели? Что-то похожее произошло и со мной. Когда я посмотрел на свою ногу, я увидел, что она на полу. А когда моргнул — за миллисекунду до или через миллисекунду после того, как мои глаза закрылись, — заметил, что моя нога на ступеньке. И уже не под тусклым светом лампочки в шестьдесят ватт, а под яркими лучами солнца.

Я замер.

— Иди дальше, — подбодрил меня Эл. — Ничего с тобой не случится, дружище. Просто иди дальше. — Он закашлялся, и в его вновь охрипшем голосе слышалось отчаяние. — *Мне надо, чтобы ты пошел дальше.*

И я пошел.

Да поможет мне Бог, пошел.

Я сделал еще шаг вперед, на следующую ступеньку. Глаза по-прежнему говорили мне, что я в кладовке «Закусочной Эла», но я стоял выпрямившись, и моя макушка больше не скребла потолок. Разумеется, такого быть не могло. Мой желудок нервно дернулся в ответ на путаницу, устроенную органами чувств, и я почувствовал, как сандвич с яичным салатом и кусок яблочного пирога, съеденные за ленчем, готовятся к катапультированию.

Сзади — уже издалека, будто нас разделяли пятнадцать ярдов, а не пять футов, — послышался голос Эла:

— Закрой глаза, дружище, так будет легче.

Едва я это сделал, путаница исчезла. Словно я перестал пытаться увидеть кончик собственного носа. Или, скорее, надел очки для просмотра трехмерного фильма. Я двинул правой ногой и спустился на очередную ступеньку. Я находился *на лестнице*. Теперь, с отключенным зрением, мое тело в этом не сомневалось.

— Еще две, потом открывай глаза, — посоветовал Эл. Расстояние между нами снова увеличилось. Казалось, он отошел в другой конец закусочной, а не стоял у двери кладовки.

Я поставил на первую ступеньку левую ногу, на вторую — правую. И тут же в голове послышался хлопок, какой ощущаешь, сидя в самолете, если давление резко меняется. Темнота под веками сменилась краснотой, кожей я почувствовал тепло. Солнечный свет. Никаких сомнений. И серный запах, ранее слабый, заметно усилился. В кладовке он едва чувствовался, а теперь раздражал. Опять-таки, никаких сомнений.

Я открыл глаза.

Уже не в кладовке. Уже не в «Закусочной Эла». И хотя дверь из кладовки вела только в зал, я оказался под синим небом. Во дворе. Правда, не вымощенном камнем. Под ногами я видел грязный, крошащийся бетон. И привычные магазины куда-то подевались. Несколько больших металлических контейнеров стояло у белой оштукатуренной стены на месте «Уютного уголка Мэна». В контейнерах что-то лежало, прикрытое грубой коричневой мешковиной.

Я повернулся, чтобы взглянуть на большой серебристый трейлер, который занимала «Закусочная Эла», но трейлер исчез.

Там, где ему полагалось быть, возвышалась громада — будто сошедшая со страниц романов Диккенса — ткацко-прядельной фабрики Ворамбо, которая работала на полную мощность. Я слышал грохот красильных машин и сушилок, шуршание огромных плоскопрядельных машин, которые когда-то занимали второй этаж (я видел фотографии в маленьком здании Исторического общества Лисбона, что на Главной улице: на машинах работали женщины в платках и комбинезонах). Светло-серый дым поднимался над тремя высокими трубами, в восьмидесятые годы поваленными мощным ураганом.

Я стоял рядом с большим зеленым зданием, вероятно, сушильным сараем. Он занимал половину двора и поднимался на добрых двадцать футов. Я сошел с лестницы, но теперь

никаких ступенек не видел. Не видел пути назад. И запаниковал.

— Джейк? — Голос Эла, но далекий-предалекий. Казалось, он донесся до моих ушей случайно, благодаря какому-то акустическому трюку, словно пролетел многие мили по длинному узкому каньону. — Ты сможешь вернуться так же, как вышел. Нашупай ступеньки.

Я поднял левую ногу, опустил и нащупал ступеньку. Паника отступила.

— Иди, — прозвучало едва слышно. Голос словно подпитывался собственным эхом. — Осмотрись, а потом возвращайся.

Поначалу я никуда не пошел, постоял, вытирая рот тыльной стороной ладони. По ощущениям, глаза вылезали из орбит. Волосы, похоже, стояли дыбом, по загривку и спине ползали мурашки. Меня охватил страх — чего там, ужас, — но его уравнивало (пока) набирающее силу любопытство. Я видел собственную тень на бетоне, точно очерченную, словно вырезанную из черной материи. Видел пятна ржавчины на цепи, которая отделяла сушильный сарай от остального двора. Ощущал отвратительный запах дыма, поднимавшегося из трех труб, достаточно сильный, чтобы защипало глаза. Инспектору из агентства по защите окружающей среды хватило бы одного вдоха, чтобы в мгновение ока остановить все производство. Да только... я сомневался, что во всей стране сыщется такое агентство. Я знал, где нахожусь. Штат Мэн, Лисбон-Фоллс, сердце округа Андроскоггин.

Вопрос состоял в другом: *в каком году?*

3

На цепи висела табличка с надписью на обратной стороне, так что я не мог ее прочитать. Двинулся к табличке, тут же вернулся назад. Закрыв глаза и, шаркая, принялся разыскивать ступеньки. Когда левая нога наткнулась на первую ступеньку лестницы, ведущей в кладовку «Закусочной Эла» (я на это истово надеялся), остановился, нащупал в заднем кармане и вытащил сложенный листок бумаги, служебную записку от моего многоуважаемого заведующего кафедрой: «Хорошего тебе летнего отдыха, и не забудь про июльский рабочий день». На мгновение я задался вопросом, как он отнесется к предложению Джейка Эппинга включить в программу следующего учебного года шестинедельный семинар «Литература о путешествиях во времени». Потом оторвал сверху полоску и бросил на первую ступеньку невидимой лестницы. Она, разумеется, упала на землю, но отметила нужное место. Я полагал, что в этот теплый, тихий день ее никуда не сдует, однако все-таки нашел небольшой кусок бетона и воспользовался им как пресс-папье, на всякий случай. Теперь он лежал и на ступеньке, и на бумажной полоске. Только никакой ступеньки *не было*. В голове мелькнула строка из старой песни: *Поначалу есть гора, а потом и нет горы, но затем опять гора*.

«Осмотри», — предложил мне Эл, и я решил последовать его совету. Пришел к выводу, что еще какое-то время сохраню здравый ум, раз уж до сих пор не рехнулся. Если, конечно, не увижу стадо розовых слонов или НЛО, зависший над автомобильным салоном Джона Крафтса. Я пытался сказать себе, что этого нет, что так не бывает, но тщетно. Философы и психологи могут спорить о том, что реально, а что нет, однако большинство людей, живущих обычной жизнью, знает и принимает мир, который видит и ощущает вокруг себя. Таков и я. Если отбросить все остальное, для галлюцинации этот мир слишком уж вонял.

Я подошел к цепи, висевшей на уровне моего бедра, нырнул под нее. На другой стороне таблички обнаружилась надпись черной краской: **ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ДО**

ЗАВЕРШЕНИЯ РЕМОНТА СТОЧНОЙ ТРУБЫ». Я огляделся, убедился, что в непосредственной близости никакого ремонта не ведется, обошел угол сушильного сарая и чуть не наступил на мужчину, гревшегося на солнышке. Впрочем, загар в его планы не входил. Иначе он снял бы старое черное пальто, которое укутывало его, точно бесформенная тень. На обоих рукавах налипли засохшие сопли. Тело, упрятанное под пальто, высохло до крайности. Обильно тронутые сединой черные волосы патлами свисали на небритые щеки. Никто не смог бы представить себе более типичного алкаша.

Нахлобученную на голову мягкую фетровую шляпу с продольной ложбиной он, казалось, позаимствовал из какого-то фильма в жанре нуар пятидесятих годов, где у всех женщин большой бюст, а мужчины говорят очень быстро и из уголка рта у них свешивается сигарета. И да, из-под ленты на шляпе, словно древний репортерский пропуск, торчала желтая карточка. В свое время наверняка ярко-желтая, но потускневшая от прикосновений множества грязных пальцев.

Когда моя тень упала ему на колени, Человек с желтой карточкой поднял голову и оглядел меня мутными глазами.

— Ты, на хрен, кто? — просипел он. Прозвучало это как: «Тын-ахх-то».

Эл не проинструктировал меня на предмет всех ответов, так что я выбрал, как мне думалось, наиболее безопасный:

— Не твое, на хрен, дело.

— Иди на хрен.

— Как скажешь. В этом наши желания совпадают.

— Чё?

— Хорошего тебе дня.

Я повернулся к открытым воротам, за которыми пролегали железнодорожные пути. За ними, слева, увидел незнакомую мне автостоянку. Ее заполняли автомобили, в большинстве своем выдавшие виды и достаточно старые, чтобы коротать век в автомобильном музее. «Бьюики» с «мышинными норками»^[11], «форды» с носами-торпедами.

Они принадлежат реальным фабричным рабочим, подумал я. Реальным рабочим, которые сейчас трудятся в цехах за почасовую оплату.

— У меня желтая карточка из зеленого дома. — В голосе алкаша слышались агрессивность и тревога. — Так что дай мне бакс, потому что сегодня — день двойной выплаты.

Я протянул ему монету в пятьдесят центов, чувствуя себя актером, который произносит в пьесе только одну реплику.

— Бакс дать не могу, но держи половину.

Потом отдашь ему монету, проинструктировал меня Эл, но делать этого не пришлось. Желтая Карточка выхватил ее у меня и поднес к лицу. Я уж подумал, что он собирается проверить пятидесятицентовик на зуб, но алкаш сжал длинные пальцы в кулак, и монета исчезла. Затем он вновь поднял глаза, на его лице было написано почти комичное недоверие.

— Ты кто? Что ты здесь делаешь?

— Будь я проклят, если знаю, — ответил я и повернулся к воротам, ожидая, что в спину полетят другие вопросы, но их так и не последовало.

Самым новым автомобилем на стоянке оказался «плимут-фьюри», модель середины или конца пятидесятых. Пластина с номерным знаком очень походила на древнюю версию той, что крепилась над задним бампером моей «субару». Ее по требованию моей бывшей украшала розовая ленточка — символ борьбы с раком молочной железы. На пластине, на которую я сейчас смотрел (оранжевой — не белой), вместо ленточки *была надпись* «КРАЙ ОТДЫХА — МЭН». Как и в большинстве штатов, в нашем номерные знаки включали цифры и буквы; скажем, на моей «субару» — 23383 IY, но номерной знак этого почти нового красно-белого «плимута-фьюри» состоял исключительно из цифр: 90-811. Никаких букв.

Я прикоснулся к багажнику. Твердый, теплый от солнца. Реальный.

Перейди железнодорожные пути, и окажешься на пересечении Главной улицы и Лисбон-стрит. А потом, дружище, мир — твой.

Перед старой фабрикой железнодорожных путей не было — в мое время, — но теперь я отчетливо их видел. И отнюдь не старые и ржавые. Отполированные рельсы сверкали на солнце. А где-то вдалеке слышалось «чух-чух» настоящего поезда. Когда поезда в последний раз проходили через Лисбон-Фоллс? Наверное, когда фабрика еще не закрылась, а компания «Ю-Эс джипсам», которую местные прозвали «Ю-Эс обдери», работала двадцать четыре часа в сутки.

Да только она и работает двадцать четыре часа в сутки, подумал я. Готов спорить на любые деньги. Как и фабрика. Потому что я не во втором десятилетии двадцать первого века.

Я прошел дальше, не отдавая себе в этом отчета — совсем как лунатик. И теперь стоял на углу Главной улицы и шоссе 196, также известной как Старая льюистонская дорога. Только ничего старого в ней не было. А за перекрестком, на противоположном углу...

Да, «Кеннебек фрук компани» — претенциозное название для магазинчика, балансировавшего на грани закрытия — или это мне так казалось — все десять лет, что я учительствовал в ЛСШ. Невероятно, но его *raison d'être*^[12] и единственным средством выживания служил «Мокси», самый своеобразный из прохладительных напитков. Владелец «Фрук компани», пожилой добряк по имени Фрэнк Аничетти, как-то объяснил мне, что население мира естественным образом (возможно, генетически) делится на две части: немногочисленных, но избранных Богом, которые ставят «Мокси» выше любого другого прохладительного напитка... и остальных. Фрэнк называл остальных «несчастливым, дефективным большинством».

«Кеннебек фрук компани» моего времени представлял собой выцветшую желто-зеленую коробку с грязной витриной, лишенной товаров... разве что там иногда спал кот. Крыша просела после многих снежных зим. В торговом зале для продажи предлагались только сувениры, связанные с «Мокси»: ярко-оранжевые футболки с надписью «Я НАСЛАДИЛСЯ МОКСИ!», ярко-оранжевые шляпы, старинные календари, жестяные таблички. Они *выглядели* старинными, но скорее всего их изготовили пару лет назад в Китае. Большую часть года покупатели в магазин не заходят, да и полки пустуют... хотя здесь все-таки продаются расфасованные сладости и пакеты картофельных чипсов (если вам нравятся подсоленные и с уксусом). В холодильном шкафу для прохладительных напитков — только «Мокси». Холодильный шкаф для пива пуст.

Каждый июль Лисбон-Фоллс устраивает фестиваль «Мокси» штата Мэн. С оркестрами, фейерверками и парадом — клянусь, это правда, — с платформами и местными королевами красоты, одетыми в закрытые купальники цвета «Мокси», то есть оранжевые и такие яркие,

что могут вызвать ожог сетчатки. Церемониймейстер парада всегда наряжается доком Мокси, что подразумевает белый халат, стетоскоп и одно из этих старомодных налобных зеркал на голове. Два года тому назад церемониймейстером была директор ЛСШ Стелла Лэнгли, и теперь ей жить с этим вечно.

В дни фестиваля «Кеннебек фрукт компани» оживает и прилично зарабатывает, в основном на обалдевших туристах, которые едут в западную, курортную часть Мэна. В остальное время года это магазин-призрак, где стоит слабый запах «Мокси», всегда напоминающий мне — видимо, потому что я принадлежу к «несчастному, дефективному большинству» — мастерол, невероятно вонючую мазь, которой мать натирала мне грудь и шею, если я простужался.

Теперь же, на другой стороне Старой льюистонской дороги, я видел бурлящее жизнью, процветающее заведение. Над дверью висела вывеска с двумя надписями: «ОСВЕЖИСЬ С “СЕВЕН-АП”» наверху и «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В “КЕННЕБЕК ФРУТ КО”» внизу — такая яркая, что слепило глаза. Стены сияли свежей краской, крыша не поддавалась погодным катаклизмам. Люди входили и выходили. А в витрине вместо кота...

Боже мой, апельсины. В магазине с названием «Кеннебек фрукт компани» когда-то торговали фруктами. Кто бы мог подумать?

Я уже начал переходить улицу, но тут же отступил назад, заметив приближающийся ко мне рейсовый автобус. В окошечке над разделенным надвое лобовым стеклом виднелось название маршрута: «ЛЬЮИСТОНСКИЙ ЭКСПРЕСС». Когда автобус затормозил у остановки на перекрестке, я увидел, что большинство пассажиров курит. Вероятно, в салоне воздух по химическому составу приближался к атмосфере Сатурна.

Как только автобус продолжил путь (оставив после себя синюшное облако выхлопных газов с запахом несторевого дизельного топлива, который добавился к сероводородной вони дыма, поднимавшегося из труб фабрики Ворамбо), я перешел улицу, задавшись вопросом: а что будет, если меня собьет автомобиль? Я просто исчезну? Приду в себя, очнувшись на полу в кладовке Эла? Вероятно, ни то ни другое. Может, я умру здесь, в прошлом, по которому тоскует столько людей. Они тоскуют, потому что забыли, как плохо пахло это прошлое, а может, никогда и не принимали во внимание эту особенность славных пятидесятих.

У стены «Фрукт компани», упираясь в деревянную обшивку согнутой ногой в черном сапоге, стоял какой-то паренек. В рубашке с поднятым воротничком и с прической (я ее узнал по старым фильмам) а-ля ранний Элвис. В отличие от учеников, которых я привык видеть на своих занятиях, этот не пытался отпустить козлиную бородку, его подбородок был девственно чист. Я понял, что в мире, где я сейчас пребывал (очень надеюсь, временно), его бы пинком вышвырнули из ЛСШ, шагни он на порог хотя бы с одним волоском на лице. Вышвырнули бы незамедлительно.

Я кивнул ему. Джеймс Дин^[13] ответил тем же и поздоровался:

— Хай-йо, папаша.

Я вошел в магазин. Над дверью звякнул колокольчик. Пахло не пылью и медленно гниющим деревом, а апельсинами, яблоками, кофе и ароматизированным табаком. Справа была стойка с раскрытыми комиксами: «Арчи», «Бэтмен», «Капитан Марвел», «Пластичный человек», «Байки из склепа». Над этой сокровищницей, от одного вида которой любой завсегдатай аукциона «Ибэй» мог забиться в судорогах, висел лист бумаги с рукописной надписью: «КОМИКСЫ 5 центов штука, ТРИ ЗА 10, ДЕВЯТЬ — ЗА ЧЕТВЕРТАК. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ТРОГАЙТЕ, ЕСЛИ НЕ СОБИРАЕТЕСЬ ПОКУПАТЬ».

Слева стояла стойка с газетами. «Нью-Йорк таймс» я не нашел, только несколько экземпляров «Портленд пресс гералд» и один — «Бостон глоуб». Заголовок «Глоуб» кричал: **«ДАЛЛЕС НАМЕКАЕТ НА УСТУПКИ, ЕСЛИ КРАСНЫЙ КИТАЙ ОТКАЖЕТСЯ ОТ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ НА ФОРМОЗЕ»**. Обе газеты датировались вторником, 9 сентября 1958 года.

Я взял «Глоуб», стоившую восемь центов, и направился к мраморному прилавку с газировкой, которого в мое время не существовало. За прилавком стоял Фрэнк Аничетти. По всем признакам — он, вплоть до полукружий седых волос над ушами. Только эту версию — назовем ее Фрэнк Один-Ноль — отличала худоба и бифокальные очки без оправы. И более высокий рост. Чувствуя себя незнакомцем в собственном теле, я уселся на высокую табуретку.

Он указал на газету:

— Вам этого хватит или налить какой-нибудь газировки?

— Что-нибудь холодное, но только не «Мокси», — услышал я собственный голос.

Фрэнк Один-Ноль улыбнулся:

— «Мокси» не держим, сынок. Не желаете рутбира^[14]?

— Звучит неплохо, — ответил я, не погрешив против истины. В горле пересохло, лоб горел, будто поднялась температура.

— Пять или десять?

— Простите?

— Бира на пять или десять центов? — Первое слово он произнес на мэнский манер: «би-и-йа».

— А-а... Полагаю, на десять.

— Что ж, я полагаю, вы полагаете правильно. — Он открыл морозильник и достал заиндевелую кружку размером с графин для лимонада. Наполнил ее из крана, и я почувствовал запах рутбира, сильный и резкий. Фрэнк Один-Ноль снял пену рукояткой деревянной ложки, долил кружку до самого края и поставил передо мной на мраморный прилавок. — Пожалуйста. Вместе с газетой — восемнадцать центов. Плюс один для губернатора.

Я протянул старинный доллар Эла, и Фрэнк Один-Ноль отсчитал сдачу.

Я отпил рутбира сквозь пену и чуть не ахнул. Такой... насыщенный. Такой вкусный. Лучше и не скажешь. Этот мир, отстоявший от нашего более чем на пятьдесят лет, пах гораздо хуже, чем я мог себе представить, но рутбир вкусом отличался в лучшую сторону. И еще как отличался.

— Замечательный рутбир.

— Правда? Рад, что вам понравилось. Вы не местный, да?

— Да.

— Из другого штата?

— Висконсин, — ответил я. Если и солгал, то не совсем. Моя семья жила в Милуоки, пока мне не исполнилось одиннадцать. Потом отца взяли преподавателем английского языка в Университет южного Мэна. С тех пор я этот штат не покидал.

— Вы выбрали для приезда очень удачное время, — кивнул Аничетти. — Большинство летних гостей разъехалось, и цены сразу пошли вниз. Ваш рутбир, к примеру. После Дня труда десятицентовая кружка стоит всего лишь дайм^[15].

Звякнул колокольчик над дверью, заскрипели половицы. Приветливым таким скрипом. В последний раз, когда я рискнул зайти в «Кеннебек фрут» в надежде купить упаковку «Тамс» (меня ждало разочарование), они стонали.

За прилавок зашел подросток лет семнадцати. С коротко стриженными черными волосами. Его сходство с мужчиной не вызывало сомнений, и я осознал, что это Фрэнк Аничетти моего времени. А мужчина, снявший пену с кружки рутбира, — его отец. Фрэнк Два-Ноль даже не взглянул на меня — еще один покупатель.

— Тит уже поставил пикап на подъемник, — доложил он отцу. — Говорит, к пяти все будет готово.

— Так это хорошо. — Аничетти-старший достал сигарету, закурил. Только тут я впервые заметил на мраморном прилавке рядок маленьких керамических пепельниц. С надписью на боку: «ВКУСА «ВИНСТОН» ЛУЧШЕ НЕТ — ЭТАЛОН СИГАРЕТ». Фрэнк Один-Ноль посмотрел на меня. — Добавить в рутбир шарик ванильного мороженого? За счет заведения. Нам нравится окружать туристов заботой, особенно если они приезжают по окончании сезона.

— Благодарю, но мне и так хорошо. — И я говорил чистую правду. Не сомневался, что от добавки сладкого моя голова просто взорвется. Да и рутбир мне дали крепкий — прямо-таки газированный эспрессо.

Подросток улыбнулся мне — по сладости улыбка не уступала содержимому кружки. Никакого намека на пренебрежение, которое источал поклонник Элвиса, встреченный мною у магазина.

— В школе мы читали рассказ о том, что местные едят туристов, если они приезжают после окончания сезона.

— Фрэнки, разве можно говорить такое гостю? — Но мистер Аничетти улыбался, произнося эти слова.

— Все нормально. Я сам разбирал с учениками этот рассказ. Ширли Джексон, правильно? «Летние люди».

— Совершенно верно, — согласился Фрэнк. — Я не совсем его понял, но мне он понравился.

Я отпил еще глоток рутбира и с ласкающим слух стуком поставил кружку на мраморный прилавок. Не особо удивился, обнаружив, что кружка практически пуста. *Могу ведь и подсесть на этот рутбир*, подумал я. *«Мокси» ему и в подметки не годится.*

Старший Аничетти выпустил струю дыма к потолку, где неторопливо вращающиеся лопасти вентилятора перепаживали синеватое облако.

— Вы преподаете в Висконсине, мистер?..

— Эппинг. — Вопрос застал меня врасплох, и я не подумал о том, чтобы назваться вымышленной фамилией. — Да. Но этот год у меня субботний.

— Это означает, что он на год в творческом отпуске, — пояснил Фрэнк.

— Я знаю, что это означает, — ответил мистер Аничетти. Попытался изобразить раздражение, но получилось не очень. Я решил, что отец и сын нравятся мне ничуть не меньше рутбира. Мне нравился и продвинутый юнец с улицы, хотя бы по одной причине: он не знал, что уже стал штампом. Этот мир вызывал ощущение защищенности, ощущение —

ну, не знаю — предопределенности. Конечно же, ложное ощущение, поскольку опасностью он не уступал любому другому. Но я обладал информацией, которой — как я верил часом ранее — мог располагать лишь Бог. Я знал, что паренек, полюбивший рассказ Ширли Джексон (пусть он «не совсем его понял»), проживет и этот день, и все другие дни последующих пятидесяти с небольшим лет. Не погибнет в автомобильной аварии, не умрет от сердечного приступа, не заболеет раком легких, вдыхая отцовский сигаретный дым. В ближайшие пятьдесят лет ничего такого с Фрэнком Аничетти не случится.

Я посмотрел на настенные часы («НАЧНИ СВОЙ ДЕНЬ С УЛЫБКИ, ВЫПЕЙ БОДРЯЩЕГО КОФЕ» — было написано на циферблате): двенадцать двадцать две. Для меня это ничего не значило, но я изобразил удивление. Допил мой *би-и-йа* и поднялся.

— Должен идти, если не хочу опоздать на встречу с друзьями в Касл-Рок.

— Только не разгоняйтесь на сто семнадцатом, — предупредил Аничетти. — Дорога — черт ногу сломит. — И вновь я обратил внимание на чересчур заметный мэнский выговор. Какого не слышал уже многие годы. Затем осознал, что так оно и есть, в прямом смысле слова, и чуть не рассмеялся.

— Не буду. Большое спасибо. Сынок? Тот рассказ Ширли Джексон.

— Да, сэр?

Еще и *сэр*. Но совершенно без сарказма. Почтительность — ничего больше. Я уже решил для себя, что тысяча девятьсот пятьдесят восьмой — очень хороший год. За исключением, разумеется, фабричной вони и сигаретного дыма.

— Там нечего понимать.

— Нечего? Мистер Марчант говорит совсем другое.

— При всем уважении к мистеру Марчанту, передай ему мнение Джейка Эппинга. Иногда сигара — просто курево, а рассказ — просто рассказ.

Он рассмеялся:

— Обязательно. Завтра на третьем уроке!

— Хорошо. — Я кивнул его отцу, меня подмывало сказать ему, что благодаря «Мокси» (которой он не держал... пока) этот магазин простоит на углу Главной улицы и Старой льюистонской дороги много лет после его смерти. — Спасибо за рутбир.

— Приходите в любое время. Я думаю о том, чтобы сбросить цену на большую кружку.

— До дайма?

Он улыбнулся. Естественно и искренне, как сын.

— Вы быстро все схватываете.

Звякнул колокольчик. Вошли три женщины. Никаких брюк. Платья до середины голени. И шляпки! Две с белыми вуальками. Женщины начали рыться в ящиках с фруктами, выбирая лучшие. Я уже шагнул к двери, потом повернулся.

— Можете сказать, что такое зеленый дом?

Отец и сын обменялись веселыми взглядами, напомнившими мне старый анекдот. Турист из Чикаго за рулем роскошного спортивного автомобиля останавливается у фермерского дома в сельской глубинке. Старик фермер сидит на крыльце, курит трубку из стержня кукурузного початка. Турист выходит из «ягуара» и спрашивает: «Эй, старина, не подскажете, как добраться до Ист-Мачиаса?» Старик пару раз задумчиво затягивается, выпускает струю дыма и отвечает: «Проще всего — рукой»^[16].

— Вы и впрямь из другого штата? — спросил Фрэнк. Мэнского в его выговоре было куда меньше, чем у отца.

Он больше смотрит телик, подумал я. Лучшее средство избавления от местного выговора — телевидение.

— Да.

— Странно, потому что я слышу гнусавый говор янки.

— Это юперский диалект, — ответил я. — Верхний полуостров... — Да только — черт! — ВП в Мичигане.

Но оба Аничетти, похоже, не имели об этом ни малейшего понятия. Более того, молодой Фрэнк отвернулся и начал мыть посуду. Вручную.

— Зеленый дом — это винный магазин, — ответил Аничетти. — На другой стороне улицы, если хотите приобрести пинту горячительного.

— Я думаю, рутбира мне хватит. Спросил из любопытства. Хорошего вам дня.

— И вам тоже, друг мой. Приходите к нам опять.

Я прошел мимо выбиравшего фрукты трио, пробормотал: «Дамы», — когда поравнялся с ними, и пожалел, что у меня нет шляпы, чтобы приподнять ее. Мягкой фетровой, с продольной ложбинкой, какие можно увидеть в старых фильмах.

6

Продвинутый юнец покинул свой пост, и я подумал, а не пройтись ли мне по Главной улице, чтобы посмотреть, как она изменилась, но тут же отказался от этой мысли. Незачем искушать судьбу. Вдруг кто-нибудь спросит о моей одежде? Я полагал, что мои пиджак спортивного покроя и слаксы более-менее сойдут, но мало ли. Да еще волосы, которые касались воротника. В мое время для учителя средней школы такое считалось вполне нормальным — даже консервативным, — однако могло вызвать недоуменные взгляды в десятилетие, когда мужчины не выходили из парикмахерской без выбритой сзади шеи, а баки позволяли себе только фанаты рокабилли вроде того парня, что назвал меня папашей. Разумеется, я всегда мог притвориться туристом, ведь в Висконсине мужчины носили более длинные волосы, и все это знали, — но не только прическа и одежда вызывали ощущение, что я выделяюсь среди остальных, будто какой-то инопланетянин, неудачно маскирующийся под человека.

Если на то пошло, я чувствовал себя не от мира сего. Нет, крыша у меня не поехала — человеческий разум достаточно хорошо приспосабливается ко всякого рода неожиданностям, и чтобы слететь с катушек, требуется огромное их количество, — но чужаком я себя ощущал, это точно. Все думал о женщинах в длинных платьях и шляпках, женщинах, которые никогда не рискнули бы показать на публике бретельку бюстгальтера. И о вкусе этого рутбира. Таком *ядреном*.

На другой стороне улицы, напротив «Кеннебек фрут компани», располагался куда более скромный «ВИННЫЙ МАГАЗИН ШТАТА МЭН». Так гласила надпись крупными буквами над маленькой витриной. И да, фасад был выкрашен светло-зеленой краской. Внутри я разглядел моего дружка, прежде гревшегося на солнце у сушильного сарая. Длинное черное пальто болталось на его тощих плечах. Шляпу он снял, и волосы торчали в разные стороны, совсем как на карикатуре о вечном недотепе, который только что сунул палец в электрическую розетку. Он что-то доказывал продавцу, размахивая обеими руками, и в одной я видел драгоценную желтую карточку. В другой — как я понимал — была зажата монета в пятьдесят центов, полученная мной от Эла Темплтона. Продавца в короткой белой тунике,

очень напоминавшей халат Дока Мокси на ежегодном параде, жесты и слова Желтой Карточки не впечатляли.

Я остановился у перекрестка, дождался, пока проедут автомобили, перешел на ту сторону Старой льюистонской дороги, где находилась фабрика Ворамбо. Двое мужчин толкали через двор тележку, нагруженную рулонами материи, курили и смеялись. Я задался вопросом, а известно ли им, что творит с их легкими сигаретный дым на пару с загрязняющими атмосферу производственными выбросами фабрики, и решил, что нет. Возможно, оно и к лучшему, подумал я, но размышления на эту тему более приличествовали учителю философии, а не парню, который зарабатывал на хлеб насущный, знакомя шестнадцатилеток с нетленными творениями Шекспира, Стейнбека и Ширли Джексон.

Когда они скрылись на фабрике, закатив тележку между ржавыми металлическими челюстями ворот высотой в три этажа, я вернулся к цепи с табличкой **«ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РЕМОНТА СТОЧНОЙ ТРУБЫ»**. Велел себе идти не слишком быстро и не глазеть по сторонам — не делать *ничего такого*, что могло бы привлечь внимание, — но получалось не очень. Я уже находился буквально на пороге времени, из которого пришел, и стремление поторопиться стало неодолимым. Во рту пересохло, выпитое бултыхалось в желудке. А если я не смогу вернуться? А если оставленной мной метки уже нет? Или она есть, но нет ступеней?

Спокойно, сказал я себе. Спокойно.

Быстро огляделся — не смог устоять — перед тем, как нырнуть под цепь, но двор целиком принадлежал мне. Откуда-то издалека, как во сне, вновь донеслось «чух-чух» железнодорожного дизеля. Этот звук вызвал в моей памяти очередную строку из песни: *«В этом поезде — исчезающий железнодорожный блюз...»*

Я пошел вдоль зеленой стены сушильного сарая, сердце громко стучало где-то у самого горла. Полоска бумаги, придавленная куском бетона, лежала на прежнем месте: пока все шло хорошо.

Я легонько пнул ее ногой, думая: *Пожалуйста, Господи, пусть сработает, пожалуйста, Господи, позволь мне вернуться.*

Мысок туфли отбросил кусок бетона — я увидел, как он отлетел в сторону, — но остановился, наткнувшись на невидимую ступеньку. Эти два взаимоисключающих события произошли одновременно. Я еще раз огляделся, хотя никто не мог видеть меня в этом узком проулке, если только не стоял напротив входа или выхода из него. Никто и не увидел.

Я поднялся на одну ступень. Моя нога чувствовала ее, пусть глаза по-прежнему говорили, что я стою на потрескавшемся бетоне. Рутбир опять бултыхнулся в животе. Я закрыл глаза, и мне сразу полегчало. Поднялся на вторую ступеньку, третью. Ступеньки были невысоки. На четвертой солнце перестало греть спину, а темнота под веками сгустилась. Я попытался подняться на пятую ступеньку, но таковой не оказалось. Вместо этого я стукнулся головой о низкий потолок кладовки. Кто-то ухватил меня под локоть, и я чуть не вскрикнул.

— Расслабься, — услышал я голос Эла. — Расслабься, Джейк. Ты вернулся.

Он предложил мне выпить кофе, но я отрицательно покачал головой. Желудок все еще не пришел в норму. Эл наполнил свою чашку, и мы прошли к кабинке, в которой сидели до этого безумного путешествия. Мои бумажник, мобильник и деньги горкой лежали на столе.

Эл сел со стоном боли и облегчения. Теперь он выглядел не таким измученным и чуть расслабился.

— Итак, ты ушел и вернулся. Что скажешь?

— Эл, не знаю, что и думать. Я потрясен до глубины души. Ты обнаружил это случайно?

— Абсолютно. Меньше чем через месяц после того, как перебрался сюда. Еще не успел отряхнуть пыль Сосновой улицы с каблуков. В первый раз я в прямом смысле *свалился* с этих ступеней, совсем как Алиса в кроличью нору. Подумал, что рехнулся.

Я мог себе это представить. Меня-то он подготовил, не так чтобы очень, но все-таки. С другой стороны, сомневаюсь, чтобы кто-то мог подготовить человека к путешествию во времени.

— Долго меня не было?

— Две минуты. Как и всегда, я тебе говорил. Не важно, на сколько ты там остаешься. — Он закашлялся, сплюнул в новую салфетку, сложил ее, убрал в карман. — И с последней ступеньки ты всякий раз спускаешься за две минуты до полудня девятого сентября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Каждое путешествие — первое. Куда ты ходил?

— В «Кеннебек фрут». Выпил рутбира. Превосходнейшего.

— Да, там все вкуснее. Меньше консервантов или чего-то там еще.

— Ты знаешь Фрэнка Аничетти? Я встретил его, семнадцатилетнего.

Почему-то, несмотря на все, я ожидал, что Эл рассмеется, но он воспринял мои слова как нечто само собой разумеющееся.

— Естественно. Я встречал Фрэнка много раз. Но он видит меня лишь однажды — в смысле там. Для Фрэнка всякий раз — первый. Он заходит в магазин, да? Возвращается с «Шеврона». «Тит уже поставил пикап на подъемник, — сообщает он отцу. — Говорит, к пяти все будет готово». Я слышал это не меньше пятидесяти раз. Я не всегда иду в магазин, когда появляюсь там, но если иду, слышу этот разговор. Потом заходят женщины и начинают выбирать фрукты. Миссис Саймондс с подругами. Будто снова и снова смотришь один фильм.

— Всякий раз — первый, — медленно повторил я, с паузами между словами, чтобы эта идея лучше отложилась в голове.

— Точно.

— И каждый человек, которого ты видишь, *тебя* видит впервые, независимо от того, сколько раз вы до этого встречались?

— Точно.

— Я могу вернуться, и у нас состоится тот же разговор с Фрэнком и его отцом, но они этого знать не будут.

— Именно. Или ты можешь что-то изменить, скажем, заказать банановый сплит вместо рутбира, и разговор потечет в ином русле. Единственный, кто что-то подозревает, — Человек с желтой карточкой, но он уже пропил мозги и не понимает, что чувствует. Если вообще что-либо чувствует. Причина проста: благодаря случаю он сидит очень близко от «кроличьей норы», или как еще ее называть. Может, она излучает какую-то энергию. Этот алкаш...

Но Эл закашлялся и не смог продолжить. Я с болью в сердце наблюдал, как он сложился пополам, держась за бок и пытаясь не показывать мне, как ему плохо: внутри у него, наверное, все разрывалось. *Долго он не продержится*, подумал я. *Не пройдет и недели, как его уложат на больничную койку. Разве не потому он меня позвал? Чтобы поделиться своим секретом, прежде чем рак навеки заткнет ему рот.*

— Я думал, что днем смогу все тебе рассказать, но не получается, — вновь заговорил Эл, справившись с приступом. — Нужно поехать домой, принять лекарство, отдохнуть. Раньше никогда не принимал ничего сильнее аспирина, и этот оксиконтин вырубает меня. Я сплю шесть часов, а потом на какое-то время мне становится лучше. И сил прибавляется. Сможешь прийти ко мне в половине десятого?

— Я бы пришел, если б знал, где ты живешь, — ответил я.

— Маленький коттедж на Виноградской улице. Номер девятнадцать. Ищи садового гнома на лужайке у крыльца. Мимо не проскочишь. Он размахивает флагом.

— О чем мы будем говорить, Эл? Я хочу сказать... ты мне все *показал*. Теперь я тебе верю. — Да, я поверил... но надолго ли? Мой визит в пятьдесят восьмой год уже начал таять в памяти, становясь похожим на сон. Еще несколько часов (может, дней), и я наверняка смогу убедить себя, что мне все это привиделось.

— Поговорить нам надо о многом, дружище. Ты придешь? — Он не упомянул *просьбу умирающего*, но это читалось в его глазах.

— Хорошо. Тебя подвезти до дома?

Тут его глаза сверкнули.

— У меня есть пикап, а езды тут пять кварталов. Такое расстояние я могу проехать и сам.

— Конечно, можешь. — Я надеялся, что в моем голосе слышится уверенность, которой я сам не чувствовал. Поднялся и начал раскладывать свои вещи по карманам. Нашел в одном пачку денег, которую получил от Эла, достал. Теперь я понимал, откуда взялись изменения на пятерке. Вероятно, их хватало и на других купюрах.

Я протянул деньги Элу, однако тот покачал головой:

— Нет, оставь, у меня их достаточно.

Но я положил деньги на стол.

— Если каждый раз — первый, почему остаются деньги, которые ты приносишь? Почему они не исчезают, когда идешь туда в следующий раз?

— Понятия не имею, дружище. Я же говорил, что многого не понимаю. Есть закономерности, некоторые я уяснил, однако далеко не все. — Его лицо осветила слабая, но определенно радостная улыбка. — Ты ведь принес с собой рутбир? По-прежнему плещется в желудке, или как?

Если на то пошло, рутбир плескался.

— А теперь иди. Увидимся вечером, Джейк. Я отдохну, и тогда мы поговорим.

— Можно еще вопрос?

Он махнул мне рукой, мол, валяй. Я заметил, что его ногти, всегда чистые и ухоженные, пожелтели и потрескались. Еще один признак. Не такой явный, как потеря тридцати фунтов веса, но все равно плохой. Мой отец говорил, что можно многое сказать о здоровье человека, взглянув на его ногти.

— Знаменитый толстобургер.

— А что с ним? — Но в уголках рта Эла уже затеплилась улыбка.

— Ты продаешь дешево, потому что дешево покупаешь, верно?

— Мясной фарш из «Ред энд уайт», — ответил он. — Пятьдесят четыре цента за фунт. Захожу туда каждую неделю. Точнее, заходил до моего последнего путешествия, когда я уехал далеко от Фоллс. Веду дела с мистером Уорреном, мясником. Если я прошу десять фунтов фарша, он говорит: «Сейчас сделаем». Если двенадцать или четырнадцать, говорит:

«Придется подождать минуту, пока я накручу свежего. Семейное торжество?»

— Всегда одно и то же.

— Да.

— Потому что всегда первый раз.

— Именно. Как в библейской истории с хлебами и рыбами, если об этом подумать. Я покупаю один и тот же фарш из недели в неделю. Накормил им сотни, даже тысячи людей, несмотря на эти глупые разговоры о котобургерах, а его не стало меньше.

— Ты покупаешь одно и то же мясо, снова и снова. — Я пытался донести до себя эту мысль.

— Одно и то же мясо, в одно и то же время, у одного и того же мясника, который всегда говорит одно и то же, если я не скажу чего-то нового. Признаюсь тебе, дружище, иной раз меня подмывало подойти к мистеру Уоррену и спросить: «Как здесь житуха, мистер Уоррен, старый лысый ублюдок? В последнее время трахал молоденьких цыпочек?» Потом он бы ничего не вспомнил. Но я этого не сделал, потому что он милейший человек. Большинство людей, которых я там встретил, очень милые. — Тут на его лице отразилась грусть.

— Я не понимаю, как ты можешь покупать мясо там... Готовить из него тут... Снова покупать там.

— Ты не одинок, дружище. Я чертовски рад, что ты по-прежнему здесь... Ведь я мог тебя потерять. Более того, тебя могло не оказаться на месте, когда я звонил в школу.

Отчасти мне именно этого и хотелось, однако я промолчал. К чему говорить лишнее? Он, конечно, заболел, но не ослеп.

— Приходи ко мне вечером. Я расскажу тебе, что задумал, а потом ты решишь, как поступить. Но решать придется быстро, потому что время не ждет. Звучит смешно, учитывая, куда ведут невидимые ступени из моей кладовки, правда?

Я еще медленнее повторил:

— Каждый... раз... первый.

Он вновь улыбнулся.

— Вижу, это ты уяснил. Так я увижу тебя вечером? Дом девятнадцать по Виноградской улице. Ищи гнома с флагом.

8

Из «Закусочной Эла» я ушел в половине четвертого. Следующие шесть часов не показались мне настолько необычными, как визит в Лисбон-Фоллс пятидесятитрехлетней давности, но странностей тоже хватало. Время и едва волокло ноги, и бежало стремглав. Я вернулся в свой дом в Сабаттусе (когда развалился наш семейный союз, мы с Кристи продали дом, в котором жили в Лисбон-Фоллс, а выручку разделили). Решил прилечь, но заснуть, разумеется, не смог. Двадцать минут лежал на спине, вытянувшись во весь рост, глядя в потолок, потом пошел в ванную, чтобы отлить. Наблюдая, как моча льется в унитаз, подумал: «Это же переработанный организм рутбир тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года». Но поблизости вертелась и другая мыслишка: «Это все чушь собачья, Эл каким-то образом загипнотизировал меня».

И мысли двоились, понимаете?

Я попытался добить оставшиеся сочинения, однако несколько не удивился, когда из этого ничего не вышло. Пустить в ход устрашающую красную ручку мистера Эппинга?

Оценить написанное? Не смешите меня. Я едва мог связать пару слов. В итоге включил ящик (еще одно словечко из славных пятидесятых — современные плоские телевизоры ящиками не назовешь), пощелкал каналами. На ТМС наткнулся на старый фильм «Девушка угонщика». Когда понял, что пристально, чуть ли не до головной боли вглядываюсь в старые автомобили и молодых людей, не уверенных в своем будущем, выключил телевизор. Приготовил стир-фрай^[17], но кусок в горло не лез, хоть я и проголодался. Сидел, уставившись в тарелку, и думал об Эле Темплтоне, который снова и снова скармливал людям гамбургеры из одних и тех же двенадцати фунтов говяжьего фарша, год за годом. Точно, то самое чудо с хлебами и рыбами, и плевать он хотел на слухи о кото— или песобургерах, вызванные низкими ценами. Мясо он покупал за такие гроши, что каждый проданный им толстобургер приносил фантастическую прибыль.

Осознав, что бесцельно кружу по кухне, что не могу ни спать, ни читать, ни смотреть телевизор, а отлично приготовленный ужин вывален в раковину и пропущен через измельчитель, я прыгнул в машину и вернулся в Лисбон-Фоллс. Часы показывали без четверти семь, так что мест для парковки на Главной улице хватало. Я поставил автомобиль напротив «Кеннебек фрут», посидел за рулем, глядя на облупившуюся краску на стенах магазина, который в свое время процветал. Рабочий день закончился, и «Кеннебек фрут» выглядел так, будто его должны снести со дня на день. О человеческом присутствии говорили только несколько рекламных плакатов «Мокси» в запыленной витрине («ПЕЙТЕ «МОКСИ» НА ЗДОРОВЬЕ!» — призывал самый большой из них), но выглядели они старомодно, словно висели здесь уже долгие годы.

Тень «Фрут» протянулась через улицу, накрыв мой автомобиль. Справа от меня, на месте винного магазина, стояло аккуратное кирпичное здание, в котором размещалось отделение «Ки-банка». Кому теперь нужен зеленый дом, когда можно зайти в любой продуктовый магазин штата и выйти оттуда с пинтой «Джека» или квартой кофейного бренди? Не пряча покупку в пакет из тонкой бумаги. В наши дни мы используем полиэтилен. Проживет века. И раз уж речь зашла о продуктовых магазинах, я не помнил ни одного под названием «Ред энд уайт». Если ты хотел купить продукты в Фоллс, то ехал в ИГА, расположенный в квартале по шоссе 196, напротив старой железнодорожной станции. Последнюю делили магазин футболок и тату-салон.

При этом прошлое чувствовалось здесь очень явственно, возможно, благодаря золотистому отливу, который придавал всему уходящий летний свет: мне он всегда казался сверхъестественным. Будто пятьдесят восьмой год никуда и не делся, а прячется за тонкой пеленой разделяющих нас лет. И если только случившееся со мной днем — не плод моего воображения, он так прятался.

Он хочет, чтобы я что-то сделал. Что-то такое, что он сделал бы сам, если бы не рак. Он сказал, что вернулся в прошлое и оставался там четыре года (по крайней мере у меня сложилось впечатление, что он так сказал), но этих четырех лет ему не хватило.

Хотелось ли мне спуститься по этим ступеням и провести в прошлом больше четырех лет? По существу, поселиться там? Вернуться через две минуты... но уже перевалив за сорок, с сединой, пробивающейся на висках? Я не мог представить себе, что соглашусь, однако и не догадывался, какое важное дело заставило Эла пойти на такое. Знал только одно: просить четыре года, или шесть, а то и восемь лет моей жизни — это чересчур, даже для умирающего.

До встречи с Элом оставалось более двух часов. Я решил вернуться домой, еще раз

приготовить что-нибудь и заставить себя поесть, а затем попытаться добить сочинения. Я, может, и принадлежал к тем считанным людям, которые совершали путешествие во времени — если на то пошло, круг этих людей за всю историю человечества, возможно, ограничивался Элом и мной, — но ученики моего поэтического семинара все равно имели право на оценку.

По пути в город радиоприемник молчал, а теперь я его включил. Как и в случае с телевизором, сигнал поступал с управляемого компьютерами космического спутника, находившегося в двадцати двух тысячах миль от Земли. На это известие встреченный мной сегодня подросток — Фрэнк Аничетти — отреагировал бы широко раскрывшимися глазами (но, возможно, не отмел бы его с ходу как чистую выдумку). Я настроился на «Шестидесятые на шестом» и попал на «Дэнни энд зе Джуниорс», исполнявших «Рок-н-ролл будет здесь всегда»: несколько страстных гармоничных голосов пели, перекрывая грохочущее пианино. За ними последовал Литл Ричард, во всю мощь легких прооравший «Люсиль», потом — Эрни Кей-Доу, простонавший «Тещу»: *«Она думает, мы ждали ее совета, но лучше бы ей обратиться на край света»*. Все песни звучали свежо и сладко, как апельсины, которые сегодня днем выбирали миссис Саймондс с подругами.

Звучали как *новые*.

Хотел ли я провести несколько лет в прошлом? Нет. Но я *хотел* вернуться туда. Хотя бы только для того, чтобы услышать, как пел Литл Ричард, когда его песни поднимались на верхние строчки хит-парадов. Или сесть в самолет «Транс уорлд эйрлайнз», не снимая обуви, не подвергаясь сканированию, не проходя через рамку металлодетектора.

А еще я хотел выпить того самого рутбира.

Гном держал в руках флаг, но не американский. И не флаг штата Мэн с лосем. На этом флаге в вертикальную синюю полосу, которую украшала звезда, упирались две широкие горизонтальные: верхняя — белая, нижняя — красная. Проходя мимо, я погладил гнома по островерхой шляпе и поднялся на крыльцо маленького домика Эла на Виноградской улице, вспоминая шуточную песню Рея Уайли Хаббарда: «Отвали, мы из Техаса».

Дверь открылась прежде, чем я нажал кнопку звонка. Эл надел халат поверх пижамы, а его седые волосы спутались и свисали косматыми лохмами, но сон (и, естественно, болеутоляющие таблетки) пошел ему на пользу. Он по-прежнему выглядел больным, однако морщины у рта чуть разгладились, и походка стала более уверенной. Ведя меня через крошечную прихожую в гостиную, он уже не зажимал левую подмышку правой рукой, не боялся, что развалится на ходу.

— Чуть больше похож на себя, верно? — спросил он хриплым голосом, усаживаясь в кресло перед телевизором. Точнее, встав у кресла и рухнув в него.

— Да. Что сказали врачи?

— Тот, что из Портленда, говорит, что надежды нет, даже с химией и облучением. Тот, что из Далласа, повторил его слова. В тысяча девятьсот шестьдесят втором году. Приятно думать, что хоть что-то остается неизменным, правда?

Я открыл рот, закрыл. Иногда сказать нечего. Иногда ты просто тушуешься.

— Нет нужды ходить вокруг да около. Я знаю, близкая смерть приводит в замешательство людей, особенно если в ней можно винить только собственные вредные привычки, но у меня нет времени на все эти мысли. Скоро я окажусь в больнице, хотя бы по той причине, что не смогу сам дойти до туалета и вернуться обратно. Не хочу выхаркивать мозги, сидя в собственном дерьме.

— А что будет с закусочной?

— На закусочной поставлен крест, дружище. Да и будь я здоров как бык, она бы проработала лишь до конца месяца. Ты ведь знаешь, что я только арендовал это место?

Я этого не знал, но понимал, что к чему. Хотя фабрика Ворамбо сохранила свое название, на самом деле она превратилась в торговый центр, то есть Эл платил деньги какой-то корпорации.

— Договор аренды заканчивается, а «Милл эссошиэйтс» понадобилось это место, чтобы поставить здесь — тебе это понравится — магазин «Эл-Эл Бин экспресс». Кроме того, они говорят, что мой «Алюминеир» — бельмо на глазу.

— Это же бред! — воскликнул я с таким праведным негодованием, что Эл хохотнул. Смешки попытались перейти в кашель, но он с ним справился. В собственном доме, где его никто не видел, он не пользовался носовыми платками и салфетками, чтобы сплевывать мокроту. На столе возле кресла лежала пачка гигиенических прокладок. Мой взгляд то и дело возвращался к ним. Я изо всех сил старался смотреть куда-то еще, скажем, на фотографию на стене (Эл обнимал какую-то симпатичную женщину), но потом все равно таранился на прокладки. Они открывали правду о состоянии человека: если вам нужны прокладки «Стейфри макси», чтобы впитывать отходящую мокроту, значит, у вас чертовски

серьезные проблемы.

— Спасибо тебе за поддержку, дружище. Пожалуй, мы можем за это выпить. Спиртное уже не для меня, но в холодильнике есть чай со льдом. Надеюсь, тебя не затруднит принести.

2

В закускойной он использовал прочную, ничем не примечательную стеклянную посуду, однако мне показалось, что этот кувшин — уотерфордский^[18]. В нем плавал надрезанный лимон без кожуры, чтобы сок смешивался с чаем. Я положил в два стакана лед, наполнил их и вернулся в гостиную. Эл сделал долгий глоток и от удовольствия закрыл глаза.

— Как же хорошо. Сейчас в мире Эла — полный порядок. Это чудесные таблетки. Разумеется, вызывают чертовское привыкание, но за чудеса надо платить. Даже немного подавляют кашель. Боль начнет возвращаться к полуночи, однако нам хватит времени, чтобы поговорить. — Он снова отпил чая и бросил на меня взгляд, полный печального изумления. — Похоже, перед смертью простые человеческие радости становятся чертовски приятными. Никогда бы не подумал.

— Эл, что случится с этой... с этой дырой в прошлое, если они увезут твой трейлер и построят на его месте магазин?

— Я знаю об этом не больше, чем о том, как могу снова и снова покупать одно и то же мясо. Думаю, она исчезнет. Думаю, это такая же причуда природы, как Старый Служака^[19], или тот странный балансирующий камень^[20] в Австралии, или река, которая при некоторых фазах луны течет вспять. Дело это тонкое, дружище. Минимальное смещение земной коры, изменение температуры, несколько динамитных шашек — и ничего нет.

— То есть ты не думаешь, что произойдет... ну, не знаю... какой-то катаклизм? — Перед моим мысленным взором возникла дыра в кабине самолета, летящего на высоте тридцать шесть тысяч футов, через которую наружу высосало все, включая пассажиров. Однажды я видел такое в фильме.

— Я так не думаю, но кто скажет заранее? Знаю лишь одно: с этим ничего не поделаешь. Разве что я напишу тебе дарственную. Тогда ты сможешь пойти в местное отделение Национального общества по сохранению исторического наследия и сказать: «Послушайте, нельзя строить магазин во дворе старой фабрики Ворамбо. Там находится временной тоннель. Я знаю, в это трудно поверить, но позвольте вам показать».

На мгновение я попытался рассмотреть этот вариант, потому что соглашался с Элом: портал в прошлое, безусловно, требует нежного обращения. Ни Эл, ни я ничего о нем не знали. Возможно, он мог лопнуть, как мыльный пузырь, если бы трейлер основательно трянуло. Потом я подумал о федеральном правительстве. Узнав о существовании портала, они могли послать в прошлое спецназовцев, чтобы изменить то, что сочтут нужным. Я, опять же, не знал, возможно ли такое, но если да, мне определенно не хотелось, чтобы о существовании портала узнали люди, одарившие нас биологическим оружием и умными бомбами. Не хватало только, чтобы они полезли со своими игрушками в живую невооруженную историю.

В эту минуту — *нет, в эту секунду* — до меня дошло, что задумал Эл. Недоставало только деталей. Я поставил стакан с ледяным чаем и поднялся.

— Нет. Ни за что. Никогда.

Он воспринял мои слова спокойно. Я мог бы предположить, что спокойствие — результат действия оксиконтин, но знал, что это не так. Он же видел, что я не собираюсь уходить, а слова значения не имели. Мое любопытство (не говоря уж о моей увлеченности) обострилось до предела, как иглы дикобраза. Потому что мне очень хотелось знать детали.

— Я вижу, что могу опустить предисловие и сразу перейти к делу, — заговорил Эл. — Это хорошо. Присядь, Джейк, и я объясню тебе причину, по которой сразу не отправил в рот весь запас этих маленьких розовых таблеток. — И когда я не сел, добавил: — Ты же все равно хочешь услышать, так чего упираться? Я не могу заставить тебя что-то сделать здесь, в две тысячи одиннадцатом году, и мне тем более не заставить тебя сделать что-то там. Когда ты попадешь туда, Эл Темплтон будет четырехлетним карапузом в Блумингтоне, штат Индиана, бегущим по двору в маске Одинокого рейнджера и иной раз подпускающим в штанишки. Так что садись. Как говорят в рекламе, ты не обязан это делать.

Точно. С другой стороны, моя мать всегда говорила, что *речи дьявола сладки*.

Но я сел.

3

— Дружище, ты знаешь выражение «переломный момент»?

Я кивнул. Чтобы его знать, не требовалось работать учителем английского языка и литературы, не требовалось даже знать грамоту. Переломный момент — один из надоевших языковых штампов, которые изо дня в день слышатся в информационных выпусках кабельных телевизионных каналов. Наряду с «проведем параллель» и «в этот момент времени». Но больше всего меня раздражают (и я снова и снова яростно ругаю за это моих скучающих учеников) совершенно бессмысленные «некоторые говорят» и «многие верят».

— Ты знаешь, откуда оно взялось? Где использовалось в самом начале?

— Нет.

— В картографии. Водосборный бассейн^[21] — это территория, обычно гора или лес, с которой вода стекает в реку. История — это река. Можно так сказать?

— Да. Полагаю, что можно. — Я отпил чая.

— Иногда события, меняющие историю, широкомасштабны — как затяжные ливневые дожди над всем водосборным бассейном, которые могут заставить реку выйти из берегов. Но наводнения бывают и в солнечные дни. Ливневые паводки. Все, что для этого требуется, — сильнейший, достаточно продолжительный ливень в одной части водосборного бассейна. Такие же точечные воздействия бывают и в истории. Хочешь примеры? Скажем, одиннадцатое сентября. Или Буш, победивший Гора в двухтысячном.

— Нельзя сравнивать национальные выборы с ливневым паводком, Эл.

— Может, и нельзя, но выборы двухтысячного выбиваются из общего ряда. Допустим, ты бы мог вернуться во Флориду осенью двухтысячного и потратить двести тысяч долларов на поддержку Гора?

— Тут возникает пара проблем, — ответил я. — Во-первых, у меня нет двухсот тысяч долларов. Во-вторых, я школьный учитель. Я знаю все о материнском комплексе Томаса Вулфа, но когда дело касается политики, я профан.

Он нетерпеливо махнул рукой, отчего перстень морпеха чуть не слетел с его похудевшего пальца.

— Деньги — не проблема. Просто поверь мне в этом. Пока. А точная информация бьет

любой опыт. Вроде бы во Флориде разница составила менее шестисот голосов. Как думаешь, ты смог бы купить шестьсот голосов в день выборов, имея в кармане двести штук, если бы возникла такая необходимость?

— Возможно, — ответил я. — Вероятно. Наверное, я без особого труда выявил бы те избирательные участки, где велика апатия и традиционно низка явка избирателей, а потом пошел бы туда с толстой пачкой денег.

Эл улыбнулся, продемонстрировав отсутствие зубов и больные десны.

— Почему нет? В Чикаго это срабатывало долгие годы.

Идея купить президентскую должность за сумму, которой не хватило бы на два седана «мерседес-бенц», заставила меня промолчать.

— Но когда мы говорим о реке истории, переломные моменты часто связаны с попытками убийства... и теми, что удались, и теми, что провалились. Австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда застрелил психически не уравновешенный мальчишка Гаврило Принцип, и разразилась Первая мировая война. С другой стороны, после того как Клаусу фон Штауффенбергу не удалось убить Гитлера в сорок четвертом году — почти получилось, но не до конца, — война продолжилась и погибли еще миллионы людей.

Я тоже видел этот фильм.

— Мы ничего не сможем изменить ни для эрцгерцога Фердинанда, ни для Адольфа Гитлера. Они вне нашей досягаемости.

Я уже хотел сказать, что напрасно он ставит меня на одну доску с собой, но промолчал. У меня сложилось ощущение, будто я читаю какую-то очень мрачную книгу. Скажем, роман Томаса Харди. Вы уже понимаете, чем все закончится, но это не портит впечатления — наоборот, завораживает. Словно наблюдаешь, как мальчишка гонит поезд по электрической дороге все быстрее и быстрее, и ждешь, когда же он слетит с рельсов на одном из поворотов.

— Если говорить об одиннадцатом сентября, придется ждать сорок три года. Тебе будет почти восемьдесят, если доживешь.

И вот теперь мне стало понятно, откуда взялся флаг Одинокой звезды: это был сувенир из последнего путешествия Эла в прошлое.

— Ты не смог дожить до шестьдесят третьего, да?

На это он не ответил, просто смотрел на меня. Его глаза, мутные и рассеянные днем, теперь ярко блестели. И помолодели.

— Ведь ты об этом? О Далласе в шестьдесят третьем?

— Совершенно верно, — ответил он. — Я хотел, да не вышло. Но ты не болен, дружище. Ты здоров и в расцвете сил. Ты можешь вернуться туда и не допустить этого.

Он наклонился вперед, его глаза не просто блестели — пылали.

— Ты можешь изменить историю, Джейк. Ты это понимаешь? *Джон Кеннеди останется в живых.*

Я знаю основные принципы написания триллеров (поскольку немало прочел их за свою жизнь), и главное тут — заставлять читателя строить догадки. Но если в свете этих экстраординарных событий у вас уже сложилось впечатление о моем характере, вы поймете: я хотел, чтобы меня убедили. Кристи Эппинг стала Кристи Томпсон (найди свою половинку на собрании АА, помните?), и я остался один. У нас не было детей, за которых мы могли бы

бороться в суде. Конечно, я работал и знал свое дело, но солгал бы, сказав, что нахожу работу невероятно интересной. За всю жизнь я только раз пустился в авантюру — отправился с приятелем путешествовать автостопом по Канаде, а если учесть, какие канадцы в большинстве своем веселые и гостеприимные, авантюрой это и не назовешь. Но теперь, внезапно, мне предложили стать главным игроком не просто в истории Америки — в мировой истории. Поэтому... да, да, да, я хотел, чтобы меня убедили принять вызов.

Но при этом боялся.

— А если что-то пойдет не так? — Я допил ледяной чай четырьмя большими глотками, кубики льда застучали о зубы. — Что, если мне удастся, одному Богу известно как, не допустить убийства, но это изменит все к худшему? Что, если я вернусь сюда, а тут будет фашистский режим? Или настолько загрязненная окружающая среда, что все должны ходить в противогазах?

— Тогда ты снова вернешься туда, — ответил Эл. — В девятое сентября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года, за две минуты до полудня. И все отменишь. Каждое путешествие — первое, помнишь?

— Звучит неплохо, но вдруг изменения будут такими кардинальными, что твоей маленькой закусочной здесь не окажется?

Он улыбнулся:

— Тогда тебе придется прожить оставшиеся годы в прошлом. Но разве это так плохо? Ты учитель английского языка и литературы, а эта профессия востребована всегда, однако тебе, возможно, и не придется работать. Я прожил там четыре года, Джейк, и сколотил небольшой капитал. Знаешь как?

Я мог бы высказать достаточно обоснованную догадку, но покачал головой.

— Делал ставки. Осторожно, чтобы не вызвать подозрений — не хотел, чтобы какой-нибудь букмекер подослал ко мне своих громил, — но, зная победителей каждого спортивного состязания между летом пятьдесят восьмого и осенью шестьдесят третьего, можно позволить себе осторожничать. Не обещаю тебе королевскую жизнь, потому что такая жизнь опасна. Но ты сможешь жить в достатке. И я думаю, закусочная останется здесь. Для меня же осталась, а я много чего изменил. Иначе не получается. Даже прогулка к магазину на углу, чтобы купить булку и кварту молока, изменяет будущее. Когда-нибудь слышал об «эффекте бабочки»? Занятная гипотеза, которую можно свести к идее о том...

Он вновь начал кашлять, и впервые после того, как он впустил меня в дом, приступ затянулся. Эл схватил из пачки прокладку. Прижал ко рту как кляп, потом согнулся пополам. Отвратительные рвотные звуки поднимались из его груди. Казалось, половина внутренних органов оторвалась и теперь колотится друг о друга, будто электромобили в парке развлечений. Наконец приступ закончился. Эл глянул на прокладку, поморщился, сложил ее и бросил в мусорную корзину.

— Извини, дружище. Эта оральная менструация — такая гадость.

— Господи, Эл!

Он пожал плечами:

— Если не можешь относиться к этому с юмором, зачем жить? На чем я остановился?

— «Эффект бабочки».

— Точно. Согласно этой гипотезе маленькие события могут иметь большие, да что там, огромные последствия. Идея такая: если какой-нибудь парень убьет бабочку в Китае, то через сорок лет — или через четыреста — в Перу будет землетрясение. Ты тоже думаешь, что

это бред?

И я так думал, но вспомнил избитый парадокс относительно путешествий во времени и привел его:

— Да, конечно, но, допустим, ты отправишься в прошлое и убьешь собственного дедушку?

Он в недоумении вытаращился на меня:

— На хрена?

Хороший вопрос. Я попросил его продолжать.

— Сегодня днем ты изменил прошлое по мелочам, хотя бы тем, что зашел в «Кеннебек фрут»... Но ступени, ведущие в кладовку и в две тысячи одиннадцатый год, остались на месте, так? И Фоллс не претерпел никаких изменений.

— Это так. Но ты говоришь о более серьезном изменении. О спасении жизни Джей-Эф-Кея.

— Я говорю о большем, потому что это тебе не какая-то китайская бабочка, дружище. Я также говорю о спасении жизни Эр-Эф-Кея, потому что если Джон выживет в Далласе, Роберт скорее всего не станет баллотироваться в президенты в шестьдесят восьмом году. Страна не будет готова к тому, чтобы заменить одного Кеннеди другим.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Нет, но послушай. Ты думаешь, Роберт Кеннеди окажется в отеле «Амбассадор» в четверть первого ночи пятого июня тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, если ты спасешь жизнь Джону Кеннеди? А если и окажется, думаешь, Серхан Серхан будет по-прежнему работать на кухне?

Возможно, но вероятность этого ничтожно мала. Если вводишь в уравнение миллион переменных, разумеется, ответ должен измениться.

— А Мартин Лютер Кинг? Будет ли он в Мемфисе в апреле шестьдесят восьмого? Выйдет ли на балкон мотеля «Лоррейн», чтобы его застрелил Джеймс Эрл Рей? Как думаешь?

— Если исходить из «гипотезы бабочки», вероятно, нет.

— И я так думаю. А если Эм-Эл-Кей останется жив, не будет и расовых бунтов, которые последовали за его смертью. Может, и Фреда Хэмптона^[22] не застрелят в Чикаго.

— Кого?

Мой вопрос он проигнорировал.

— Возможно, не будет и Симбионистской армии освобождения^[23]. Не будет САО — не похитят Патти Херст. И это пусть в малой степени, но поспособствует ослаблению страха белых среднего класса перед черной угрозой.

— Я теряю нить. Не забудь, у меня диплом по английскому языку и литературе.

— Ты теряешь нить, потому что о Гражданской войне девятнадцатого столетия знаешь больше, чем о той, что раздирала страну после убийства Кеннеди в Далласе. Если я спрошу тебя, кто играл главные роли в «Выпускнике», уверен, ты мне ответишь. А на вопрос, кого пытался убить Ли Освальд за несколько месяцев до того, как застрелил Кеннеди, скажешь: «Что?» Потому что каким-то образом эта информация затерялась.

— Освальд пытался убить кого-то до Кеннеди?

Я слышал об этом впервые, да и вообще большую часть знаний об убийстве Кеннеди почерпнул из фильма Оливера Стоуна. В любом случае Эл не ответил. Он, похоже, оседлал любимого конька.

— А Вьетнам? Именно Джонсон начал эту безумную эскалацию. Кеннеди отдавал предпочтение «холодной войне», в этом сомнений нет, но Джонсон поднял ее на следующий уровень. Он страдал комплексом «моя-яйца-больше-твоих», тем же, что и Дабья^[24], заявивший перед телекамерами: «Пусть попробуют»^[25]. Кеннеди умел менять свою позицию. Джонсон и Никсон — нет. Из-за них мы потеряли во Вьетнаме почти шестьдесят тысяч солдат. Вьетнамцы, северные и южные, потеряли миллионы. Получился бы счет мясника таким же длинным, если бы Кеннеди не убили в Далласе?

— Я этого не знаю. И ты, Эл, тоже.

— Это правда, но я стал очень прилежным исследователем новейшей американской истории и думаю, что спасение его жизни многое могло улучшить. И уж точно не ухудшило бы. Если что-то пойдет не так, ты просто вернешь все на круги своя. Это не сложнее, чем стереть ругательство с классной доски.

— Или я не смогу вернуться и ничего не узнаю.

— Чушь собачья. Ты молод. Если тебя не собьет такси или не свалит инфаркт, ты проживешь достаточно долго, чтобы узнать, как все обернулось.

Я молчал, глядя на собственные колени, и думал. Эл мне не мешал. Наконец я поднял голову.

— Ты, конечно же, многое прочитал об убийстве и об Освальде.

— Все, до чего смог добраться, дружище.

— Так ты уверен, что это сделал он? Потому что есть тысяча версий заговора. Даже я это знаю. Допустим, я вернусь туда и остановлю его, а какой-то парень уложит Кеннеди выстрелом с Травяного холма, или как он там назывался.

— Травяной бугор. Я практически уверен, что стрелял только Освальд. Версии заговора с самого начала казались бредом, и большинство с годами стало еще бредовой. Взять, к примеру, идею, что стрелял не Освальд, а кто-то похожий на него. В восемьдесят первом году тело эксгумировали и проверили ДНК. Оказалось, это он. Отвратительный маленький говнюк. — Эл помолчал, потом добавил: — Я с ним встречался, знаешь ли.

Я уставился на него:

— Бред!

— Да, встречался. Он говорил со мной. В Форт-Уорте. Он и Марина — его жена, русская, — приехали в гости к брату Освальда, который жил в Форт-Уорте. Если Ли когонибудь и любил, так это своего брата Бобби. Я стоял около забора из штакетника, огораживавшего двор Бобби Освальда. Привалился к телеграфному столбу, курил и делал вид, что читаю газету. Сердце выдавало не меньше двухсот ударов в минуту. Ли и Марина вышли вместе. Она несла Джун, их дочь. Тогда совсем малышку, ей не исполнилось и года. Ребенок спал. Оззи был в брюках цвета хаки, с отутюженными стрелками, но заляпанных грязью, и рубашке а-ля «Лига плюща», с пуговицами на истершемся воротничке. Он уже не стригся как морпех, но волосы отрастил слишком короткие, чтобы за них можно было ухватиться. Марина... святой Иисус, от одного взгляда на нее дух захватывало! Черные волосы, синие глаза, идеальная кожа. Будто чертова кинозвезда. Если попадешь туда, сам все увидишь. Она что-то сказала ему на русском, когда они шли по дорожке. Он ответил. Ответил с улыбкой — и тут же толкнул ее. Она чуть не упала. Ребенок проснулся и заплакал. Все это время Освальд продолжал улыбаться.

— Ты это видел? На самом деле? Ты видел *его*? — Несмотря на мое собственное путешествие в прошлое, я процентов на пятьдесят верил, что рассказ Эла — чистая выдумка

или намеренная ложь.

— Да. Она миновала калитку и прошла дальше, опустив голову, прижимая ребенка к груди, словно меня и не было. Он проследовал за ней, так близко, что я уловил аромат «Олд спайс», которым он брызгался, чтобы скрыть запах пота. Я видел угри, рассыпанные по его носу. Его одежда и обувь, с ободранными мысками и стоптанными каблуками, не оставляли сомнений в том, что у него нет горшка, куда поссать, и окна, чтобы выплеснуть мочу, но, посмотрев ему в лицо, ты понимал: это совершенно не важно. Для него — не важно. Освальд считал себя большой шишкой.

Эл на короткое время задумался, потом покачал головой:

— Нет, беру свои слова обратно. Освальд *знал*, что он большая шишка. И просто ждал, когда это дойдет до остального мира. Он находился совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки... И не думай, что эта мысль не пришла мне в голову...

— Так почему ты этого не сделал? Почему не закончил погоню и не пристрелил его?

— На глазах у жены и ребенка? Ты смог бы это сделать, Джейк?

Мне не пришлось долго обдумывать вопрос.

— Пожалуй, нет.

— Я тоже не смог. По нескольким причинам. Одна из них — отвращение к тюрьме штата... и к электрическому стулу. Мы же находились на улице, помнишь?

— А-а-а...

— Вот именно. Он улыбался, подходя ко мне. Нагло и самодовольно. Эта улыбка на всех его фотографиях. Так он улыбался и в полицейском участке Далласа, после того как его арестовали за убийство президента и копа-мотоциклиста, попавшегося ему на пути, когда он пытался сбежать. Он спросил меня: «На что смотрим, сэр?» Я ответил: «Ни на что, дружище». Он сказал: «Вот и занимайтесь своим делом».

Марина ждала его дальше, футая в двадцати, укачивала девочку, чтобы та успокоилась и уснула. День выдался чертовски жарким, но Марина повязала голову платком, как делали в те годы многие европейские женщины. Он подошел к ней, схватил за локоть — как коп, а не муж — и говорит: «Pokhoda! Pokhoda!^[26]» Иди, иди. Она что-то сказала ему, возможно, попросила какое-то время понести ребенка. Это моя догадка, ничего больше. Но он лишь оттолкнул ее со словами: «Pokhoda, сука». Иди, сука. Она пошла. К автобусной остановке. Такие дела.

— Ты говоришь по-русски?

— Нет, у меня хороший слух и есть компьютер. Во всяком случае, здесь.

— Ты видел его позже?

— Только на расстоянии. К тому времени я уже заболел. — Эл улыбнулся. — Такого жаренного на открытом огне мяса, как в Форт-Уорте, не найти во всем Техасе, а я не мог его есть. Иногда мир очень жесток. Я пошел к врачу, узнал диагноз, который уже мог бы поставить себе сам, и вернулся в двадцать первый век. В принципе увидел все, что хотел. Тощего парня, бывшего жену и дожидавшегося подходящего момента, чтобы стать знаменитым. — Эл наклонился вперед. — Знаешь, каким был человек, изменивший историю Америки? Он напоминал мальчишку, который бросается камнями в других мальчишек, а потом убегает. До того как вступить в Корпус морской пехоты — чтобы стать морпехом, как его брат Бобби, божественный Бобби, — он успел пожить в двух десятках мест, от Нового Орлеана до Нью-Йорка. Его переполняли большие идеи, и он не понимал, почему люди не хотят его слушать. Его это злило, приводило в ярость, но эта стержневая, ханжеская улыбка

никогда не сходила с губ Освальда. Знаешь, как его называл Уильям Манчестер?

— Нет. — Я также не знал, кто такой Уильям Манчестер^[27].

— Жалкий бродяга. Манчестер обсуждал и все версии заговора, которые пышно расцвели после убийства Кеннеди... И после того, как застрелили самого Освальда. Я хочу сказать, это ты знаешь?

— Естественно. — В моем голосе слышались раздраженные нотки. — Его застрелил какой-то тип по имени Джек Руби. — Хотя, с учетом продемонстрированных мной информационных пробелов, я признавал, что Эл имел право сомневаться в глубине моих познаний.

— По мнению Манчестера, если положить на одну чашу весов убитого президента, а на другую — жалкого бродягу Освальда, чаши не уравновесятся. никоим образом не уравновесятся. И чтобы придать смерти Кеннеди какую-то значимость, на вторую чашу надо положить что-то тяжелое. Отсюда и множество версий заговора. Это дело рук мафии — Кеннеди заказал Карлос Марчелло^[28]. Или КГБ. Или Кастро, в отместку за попытки ЦРУ убить его отравленными сигарами. До сих пор есть люди, которые верят, что за убийством стоял Линдон Джонсон, мечтавший стать президентом. Но на поверку... — Эл покачал головой. — Почти наверняка это был Освальд. Ты слышал о бритве Оккама, правда?

Приятно, когда хоть что-то знаешь.

— Это основополагающий принцип, который иногда называют законом минимального действия. Если что-то можно объяснить двумя или несколькими способами, правильным обычно является самое простое объяснение. Так почему ты не убил его позже? Ты тоже служил в морской пехоте. Когда ты узнал, чем болен, почему просто не убил этого ничтожного сукина сына?

— Потому, что девяносто пять процентов уверенности — не сто. Потому, что, при всей его мерзости, у него была семья. Потому, что после ареста Освальд сказал, что его подставили, и я хотел убедиться, что он солгал. Я не думаю, что в этом жестоком мире кто-то может быть в чем-то уверен на все сто процентов, но мне хотелось дойти, скажем, до девяноста восьми. Хотя я не собирался ждать до двадцать второго ноября, а потом останавливать его в Техасском хранилище школьных учебников... Слишком уж рискованно бы все получилось... по одной серьезной причине, о которой я должен тебе рассказать.

Глаза Эла больше не сверкали, морщины на лице вновь углубились. Я буквально видел, как уходят его последние силы.

— Я все это записал. Хочу, чтобы ты прочел. Более того, зазубрил. Лежит на телевизоре, дружище. Сделаешь? — Он устало улыбнулся и добавил: — Я уже не смогу.

На телевизоре лежала толстая тетрадь в синей обложке. С отпечатанной ценой: двадцать пять центов. Название магазина я видел впервые.

— Что это за «Кресджес»?

— Сеть универсальных магазинов, которая теперь называется «Кей-март». Не обращай внимания на обложку, сосредоточься на том, что внутри. Хронометраж перемещений Освальда и все улики против него... Но тебе это не понадобится, если ты готов заменить меня и остановить этого маленького хоряка в апреле шестьдесят третьего, за полгода до приезда Кеннеди в Даллас.

— Почему в апреле?

— Именно тогда кто-то попытался убить генерала Эдвина Уокера... только он уже не был генералом. В шестьдесят первом его уволил из армии сам Джей-Эф-Кей. Генерал Эдди

раздавал подчиненным пропагандистскую литературу сторонников сегрегации и приказывал внимательно все прочитать.

— Освальд пытался его застрелить?

— Это ты и должен проверить. Та же винтовка, тут нет никаких сомнений — баллистическая экспертиза доказала. Я выжидал, желая убедиться, что стрелял именно он. Мог позволить себе не вмешиваться, ведь в тот раз Освальд промахнулся. Пуля изменила траекторию, задев деревянную рейку в кухонном окне Уокера. Совсем немного, но этого хватило. Пуля буквально скользнула по волосам, а щепки зацепили Уокеру руку, так что он отделался несколькими царапинами. Я не говорю, что этот человек заслуживал смерти — мало кто совершает столько зла, что заслуживает пули, — но я бы не задумываясь отдал Уокера за Кеннеди.

В последний монолог Эла я не вслушивался. Пролистывал его «Книгу Освальда», плотно исписанные страницы. Сначала я легко разбирал каждую букву, но ближе к концу почерк начал дрожать. Последние страницы писал тяжело больной человек. Я захлопнул тетрадь.

— Если бы ты смог подтвердить, что Освальд стрелял в генерала Уокера, это рассеяло бы твои сомнения?

— Да. Мне требовалось убедиться, что он на такое способен. Оззи — нехороший человек, Джейк, — в пятьдесят восьмом люди называли бы его гнидой. Он бил жену и практически держал ее под замком, потому что она не знала языка, — но это не доказывает, что он убийца. И вот еще что. Даже если бы мне не пришлось возвращаться с неоперабельным раком, я знал, что могу не получить другого шанса все исправить, убей я Освальда, а кто-то другой все равно возьми и застрели президента. Когда человеку за шестьдесят, со здоровьем у него уже не очень. Ты понимаешь, о чем я.

— А убивать обязательно? Ты не мог... ну, не знаю... как-то подставить его?

— Возможно, но к тому времени я уже заболел. И я не уверен, что смог бы сделать это здоровым. Более простой вариант — покончить с ним, убедившись, что в Кеннеди стрелял именно он. Все равно что прихлопнуть осу до того, как она тебя ужалит.

Я молча размышлял. Настенные часы показывали половину одиннадцатого. Эл начал разговор словами о том, что останется в форме до полуночи, но хватало одного взгляда на него, чтобы понять: прогноз чрезмерно оптимистичен.

Я отнес стаканы на кухню, вымыл, поставил на сушилку. В голове бушевал торнадо, который засасывал и вращал не коров, столбы и клочки бумаги, а имена с фамилиями: Ли Освальд, Бобби Освальд, Марина Освальд, Эдвин Уокер, Фред Хэмптон, Патти Херст. В этом вихре ярко сверкали аббревиатуры, кружились, как хромированные элементы отделки, сорванные с дорогих автомобилей: ДФК, РФК, МЛК, САО. Смерч сопровождался звуком, двумя русскими словами, вновь и вновь произносимыми с монотонным, тягучим южным выговором: «Pokhoda, сука».

Иди, сука.

— Сколько у меня времени на раздумья?

— Немного. Закусочная простоит до конца месяца. Я советовался с адвокатом, как выиграть еще немного времени — подать на них в суд или что-то такое, — но он сильно

сомневается. Когда-нибудь видел объявление в мебельном магазине: «ДОГОВОР АРЕНДЫ ЗАКОНЧИЛСЯ, ПОЛНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ»?

— Конечно.

— В девяти случаях из десяти это рекламный трюк, но мой случай как раз десятый. Я говорю не о какой-то захолустной лавчонке, которой хочется занять мое место, — я говорю о «Бине», а среди мэньских торговых сетей «Эл-Эл Бин» — что самая большая обезьяна в джунглях. К первому июля закусочная сгинет, как «Энрон». Но это не главное. К первому июля я тоже могу уйти. Подхватчу простуду и умру в три дня от пневмонии. Или от инфаркта либо инсульта. Или от передозировки оксиконтин. Медсестра, которая приходит ко мне каждый день, всякий раз спрашивает, слежу ли я за тем, чтобы не превышать назначенную дозу, и я слежу, но она все равно тревожится, что однажды утром найдет меня мертвым. Под действием таблеток я могу принять лишку. Таблетки тормозят дыхание, и легкие не вентилируются. А еще я сильно похудел.

— Правда? Я и не заметил.

— Никто не любит остряков, дружище, — сам поймешь, дожив до моих лет. В любом случае я хочу, чтобы помимо тетради ты взял вот это. — Он протянул мне ключ. — От закусочной. Вдруг зайдешь ко мне завтра и услышишь от медсестры, что ночью я умер. Тогда тебе придется действовать быстро. При условии, что ты действительно решишь действовать.

— Эл, ты ведь не собираешься...

— Просто стараюсь подстраховаться. Потому что это важно, Джейк. Для меня — важнее всего на свете. Если ты когда-нибудь хотел изменить мир, это твой шанс. Спаси Кеннеди, спаси его брата. Спаси Мартина Лютера Кинга. Останови расовые бунты. Останови Вьетнам — вдруг тебе удастся и это? — Он наклонился вперед. — Избавься от одного жалкого бродяги, дружище, и ты спасешь миллионы жизней.

— Это классный рекламный трюк, — ответил я, — но ключ мне не нужен. Когда завтра взойдет солнце, ты по-прежнему будешь ехать в большом голубом автобусе.

— С вероятностью девяносто пять процентов. Но этого недостаточно. Возьми чертов ключ.

Я взял чертов ключ и положил в карман.

— А теперь тебе надо отдохнуть.

— Еще одно, прежде чем ты уйдешь. Я должен рассказать тебе о Каролин Пулин и Энди Каллеме. Присядь, Джейк. Это займет пять минут.

Я остался на ногах.

— Нет. Ты выдохся. Тебе надо поспать.

— В морге отосплюсь. Присядь.

По словам Эла, обнаружив «кроличью нору» — так он называл портал, — поначалу он использовал ее, чтобы покупать продукты и делать ставки у льюистонского букмекера, накапливая деньги времен пятидесятих годов. Иногда посреди недели он устраивал себе выходной, ездил на озеро Себаго, которое кишело рыбой, пригодной в пищу и очень вкусной. Людей волновали радиоактивные осадки после испытаний атомных бомб, а страхам перед отравлением ртутью, которая накапливалась в рыбе, еще только предстояло появиться. Эл называл эти выезды (обычно на вторник и среду, но иногда до пятницы) мини-отпусками.

Погода всегда стояла хорошая (само собой, одна и та же погода), и рыба ловилась потрясающе (он, вероятно, ловил одних и тех же рыб).

— Я знаю, что ты испытал, Джейк. Первые несколько лет я сам пребывал в шоке. Хочешь, скажу, что поражало больше всего? Спускаешься по этим ступеням в разгар январского бурана — и выходишь в сентябрьский солнечный свет. Даже пиджак надевать не надо.

Я кивнул и попросил его продолжить. Его порозовевшие было щеки вновь стали бледно-серыми, и он постоянно кашлял.

— Если дать человеку достаточно времени, он привыкает ко всему, и, начав сживаться с новой ситуацией, я пришел к выводу, что наткнулся на «кроличью нору» не без причины. Именно тогда и появились первые мысли о Кеннеди. Но твой вопрос уже изогнулся уродливой дугой: можно ли изменить будущее? Меня не волновали последствия — во всяком случае, тогда. Хотелось только знать, можно или нельзя. В одну из поездок на Себаго я достал нож и вырезал: «ЭЛ Т. 2007», — на дереве, росшем рядом с домиком, в котором я жил. Вернувшись сюда, прыгнул в машину и поехал на озеро Себаго. Домиков не нашел. Их место занял туристический отель. Но дерево росло на прежнем месте. С вырезанной мной надписью. Края букв и цифр сгладились, но прочитать ее не составляло труда: «ЭЛ Т. 2007». Так я понял, что будущее изменить можно. И *тогда* я начал думать об «эффекте бабочки».

— В те времена в Фоллс выходила газета «Лисбон уикли энтерпрайз», и в две тысячи пятом году библиотека отсканировала все микрофильмы и ввела в компьютерную базу данных. Это значительно ускорило дело. Я начал искать несчастный случай, который произошел осенью или ранней зимой пятьдесят восьмого. Определенный несчастный случай. При необходимости я мог бы дойти до начала пятьдесят девятого, но нашел искомое пятнадцатого ноября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Двенадцатилетняя девочка по имени Каролин Пулин охотилась с отцом на другой стороне реки, в той части Дарэма, которая называлась Боуи-Хилл. Примерно в два часа дня — в субботу — охотник из Дарэма, Эндрю Каллем, выстрелил в оленя в той же части леса, но вместо оленя попал в девочку. Несмотря на то что она находилась в четверти мили от него. Я думал об этом, знаешь ли. Освальд стрелял в генерала Уокера с расстояния менее сотни ярдов, но пуля чиркнула по оконному переплету и прошла мимо. Пуля, парализовавшая Пулин, пролетела более четырехсот ярдов — гораздо больше, чем та, что убила Кеннеди, — и по пути не задела ни одного ствола, ни одной ветки. Задень она хоть один сучок, девочка не пострадала бы. Так что я об этом задумался.

Именно тогда мне в первый — но не в последний — раз пришла в голову фраза: «Жизнь может развернуться на пяточке». Эл схватил из пачки еще одну прокладку, прокашлялся, сплюнул, сложил прокладку, бросил в мусорную корзину. Потом попытался глубоко вдохнуть — получилось не очень — и продолжил. Я его не останавливал. Рассказ заворожил меня.

— Я ввел ее имя в поисковую строку базы данных «Энтерпрайз» и нашел еще несколько статей. Каролин закончила Лисбонскую среднюю школу в шестьдесят пятом году — на год позже своих ровесников — и поступила в Университет Мэна. Получила диплом по специальности «управление бизнесом». Стала бухгалтером. Живет в Грее, менее чем в десяти милях от озера Себаго, где я проводил свои мини-отпуска, и все еще работает по договорам. Догадайся, кто один из ее самых крупных клиентов?

Я покачал головой.

— Джон Крафтс, он живет здесь, в Фоллс. Сквигги Уитон, один из продавцов салона и

завсегдатай закуской, однажды рассказал мне, что они проводят ежегодную инвентаризацию и «дама-бухгалтер» возится с бумагами. Ну я и нашел повод заглянуть к ним. Ей теперь шестьдесят пять и... Ты знаешь, что некоторые женщины в этом возрасте выглядят красавицами?

— Да, — ответил я и подумал о матери Кристи, которая по-настоящему расцвела только после пятидесяти.

— Каролин Пулин из таких. Классическое лицо — пару сотен лет назад в нее обязательно влюбился бы художник. Водопад длинных белоснежных волос падает на спину.

— Похоже, ты сам в нее влюблен, Эл.

Ему хватило сил, чтобы показать мне средний палец.

— Она в хорошей физической форме... насколько можно ожидать от незамужней женщины, которая каждый день садится в инвалидное кресло и вылезает из него, садится в свой специально переоборудованный минивэн и вылезает. Не говоря уже о том, что она ложится в кровать и поднимается с нее, садится в ванну и вылезает из нее, и так далее. И она все делает сама — Сквигги говорит, что она не нуждается ни в чьей помощи. На меня это произвело впечатление.

— И ты решил спасти ее. Провести эксперимент.

— Я вышел через «кроличью нору», только на этот раз прожил в домике на Себаго больше двух месяцев. Сказал хозяину, что получил деньги от умершего дядюшки. Ты должен это запомнить, дружище. Богатый дядюшка — беспроектный вариант. Все верят в него, поскольку сами хотят иметь такого дядюшку. И вот приходит день — пятнадцатое ноября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Я не стал связываться с Пулинами. Отталкиваясь от моей идеи остановить Освальда, я сосредоточился на Каллеме, стрелке. Собрал о нем информацию, выяснил, что он живет в миле от Боуи-Хилла, около старого фермерского клуба Дарэма. Собирался перехватить его до того, как он уйдет в лес. Получилось немного иначе. Из домика на Себаго я уехал достаточно рано — и поступил правильно, потому что буквально через милю у автомобиля, взятого мной напрокат в «Хертце», спустило колесо. Я достал запаску, поставил, и хотя колесо выглядело совершенно нормальным, через милю спустило и оно. На попутке я добрался до автозаправочной станции «Эссо» в Наплесе. Парень, работавший в мастерской, сказал, что он чертовски занят и не может поехать со мной ставить новое колесо на хертцевский «шевроле». Я думаю, ему совершенно не хотелось пропускать субботнюю охоту. Двадцатка изменила его приоритеты, но тем не менее я попал в Дарэм уже после полудня. Поехал по старой окружной Понд-роуд, кратчайшему пути, и знаешь что? Мост над Чакл-Брук рухнул в эту чертову воду. Меня встретили высокие красно-белые барьеры, бочки с горящей соляркой и большущий оранжевый щит с надписью «ПРОЕЗДА НЕТ». К тому времени я уже начал понимать, что происходит, и у меня засосало под ложечкой от предчувствия, что мне не удастся осуществить задуманное, сделать то, ради чего я этим утром вышел из дома. Учти, за руль я сел в восемь часов, вроде бы предусмотрел все, и с запасом, но мне понадобилось больше четырех часов, чтобы преодолеть восемнадцать миль. Однако я не сдался. Поехал по дороге Методистской церкви, выжимая из арендованной колымаги последние силы, оставляя за собой длиннющий шлейф пыли, — тогда ездили по грунтовкам. Я видел легковушки и пикапы, припаркованные на обочине или опушке леса, и охотников, которые шагали с преломленными ружьями на сгибе руки. Каждый приветственно вскидывал руку — в пятьдесят восьмом люди дружелюбнее, это точно. Я махал в ответ, но все время ждал, что колесо спустит. Или лопнет на ходу, скинув

меня с дороги в кювет, потому что я гнал со скоростью миль шестьдесят в час. Помню, как один охотник похлопал по воздуху, давая понять, что мне лучше притормозить, но я не последовал его совету. Взлетел на Боуи-Хилл и только проскочил старый молельный дом квакеров, как заметил четырехдверный пикап, припаркованный у кладбища, с надписью на водительской двери «СТРОИТЕЛЬНЫЕ И СТОЛЯРНЫЕ РАБОТЫ ПУЛИНА». Кабина пустовала. Пулин с дочерью уже ушли в лес и сейчас, возможно, сидели где-то на полянке, перекусывали и болтали, как болтают отцы с дочерьми. Или по крайней мере как я это себе представлял, потому что дочери у меня никогда не было...

Он вновь надолго закашлялся, и приступ закончился жуткими влажными хрипами.

— Ах, черт, до чего же больно! — простонал он.

— Эл, тебе надо остановиться.

Он махнул рукой, ладонью вытер пятно крови под нижней губой.

— Мне нужно выговориться, поэтому заткнись и не мешай. Я долго не отрывал взгляда от пикапа, продолжая мчаться со скоростью шестьдесят миль, а когда вновь посмотрел на дорогу, увидел, что она перегорожена упавшим деревом. Едва успел затормозить. Я прикинул, что дерево не такое уж и большое, а до того, как у меня обнаружился рак, силы мне хватало. Да еще я просто рассвирепел. Короче, вылез из «шевроле» и принялся оттаскивать дерево. Пока этим занимался — проклиная всех и вся, — с другой стороны подъехал автомобиль. Из него выходит мужчина в оранжевом охотничьем жилете. Я не знаю, он мне нужен или нет — «Энтерпрайз» фотографию Каллема не публиковал, — но возраст вроде бы подходящий. Он говорит: «Давайте я помогу, старина». «Премного вам благодарен, — отвечаю я и протягиваю руку. — Билл Лейдлоу». Он пожимает мою руку и говорит: «Энди Каллем». Все-таки он. Учитывая трудности, которые мне пришлось преодолеть, чтобы добраться до Дарэма, я едва поверил своим ушам. Словно выиграл в лотерею. Мы взялись за дерево и на пару оттащили его с дороги. Когда закончили, я сел на землю и схватился за сердце. Он спросил, все ли со мной в порядке. «Не знаю, — говорю я. — Инфаркта у меня никогда не было, но, судя по ощущениям, он самый». Вот почему мистеру Энди Каллему не удалось поохотиться в тот ноябрьский день, Джейк, и, соответственно, он не подстрелил маленькую девочку. Он отвозил бедного Билла Лейдлоу в Центральную больницу штата Мэн в Льюистоне.

— Ты это сделал? Правда, сделал?

— Будь уверен. В больнице я сказал, что съел на ленч «большого старого героя» — так тогда называли итальянский сандвич, — и мне поставили диагноз: острое несварение желудка. Я заплатил двадцать пять долларов наличными, и меня отпустили. Каллем меня дождался и отвез к моему «шевроле». Как тебе такое участие? В тот же вечер я вернулся в две тысячи одиннадцатый год... разумеется, через две минуты после того, как отбыл. С теми же ощущениями, какие возникают при смене часовых поясов, только безо всякого самолета. Сразу поехал в городскую библиотеку, где посмотрел статью о школьном выпускном вечере за шестьдесят пятый год. Раньше ее иллюстрировала фотография Каролин Пулин. Тогдашний директор — Эрл Хиггинс, он уже давно на том свете — наклонялся, чтобы передать ей аттестат. Она сидела в инвалидном кресле, в мантии и шапочке. Подпись под фотографией гласила: «Каролин Пулин достигла главной цели на долгом пути к выздоровлению».

— Ты ее увидел?

— Историю о выпускном вечере я нашел, будь уверен. Церемония окончания школы всегда попадает на первую полосу газеты маленького города, ты это знаешь, дружище. Но

теперь статью сопровождала фотография мальчишки с паршивой битловской стрижкой и подписью: «Лучший ученик Тревор Бриггс, по прозвищу Бадди, произносит прощальную речь перед участниками выпускной церемонии». Они перечислили всех выпускников, чуть больше сотни, однако Каролин Пулин я среди них не нашел. Поэтому заглянул в статью о выпускной церемонии шестьдесят четвертого года, в котором она закончила бы школу, если бы не ранение в позвоночник. И попал в десятку. Ни фотографии, ни особого упоминания, но законное место в списке. Между Дэвидом Платтом и Стефани Роутиер.

— Обычная выпускница, марширующая под бравурную музыку.

— Именно. Потом я вбил ее имя и фамилию в поисковую строку «Энтерпрайз» и нашел еще несколько упоминаний после шестьдесят четвертого года. Не так чтобы много, три или четыре. Примерно столько, наверное, и должно быть о ничем не примечательной женщине, ведущей обычную жизнь. Она поступила в Университет штата Мэн, защитила диплом по специальности «управление бизнесом», потом продолжила учебу в магистратуре в Нью-Хэмпшире. Я нашел еще одну статью, за семьдесят девятый год, вышедшую незадолго до закрытия «Энтерпрайз». Она называлась «БЫВШАЯ ЖИТЕЛЬНИЦА ЛИСБОНА ВЫИГРЫВАЕТ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНКУРС ЛИЛЕЙНИКОВ». С фотографией Каролин — здоровой, улыбающейся, с цветами в руках. Она живет... жила... не знаю, как правильно, может, и так, и этак... в городке неподалеку от Олбани, штат Нью-Йорк.

— Замужем? Дети?

— Вряд ли. На фотографии она держит свои лучшие лилейники, но кольца не руке не видно. Знаю, о чем ты думаешь. Ничего не изменилось, за исключением того, что она ходит на своих двоих. Но так ли это? Она жила в другом месте и общалась совсем с другими людьми, с которыми никогда бы не встретилась, если бы Каллем подстрелил ее и она осталась в Фоллс. Понимаешь, о чем я?

В тот момент я не мог сказать, что понимаю, а что — нет, но согласно кивнул. Потому что хотел, чтобы он закончил прежде, чем рухнет замертво. И перед уходом намеревался уложить его в постель.

— Я говорю тебе, ты можешь изменить прошлое, но это не так-то просто. В то утро я чувствовал себя человеком, пытающимся выбраться из нейлонового чулка. Он растягивается, а потом возвращается на прежнее место, крепкий, как и раньше. Однако в конце концов мне удалось его прорвать.

— Почему ты столкнулся с такими трудностями? Потому что прошлое *не хочет* меняться?

— *Что-то* не хочет, чтобы оно менялось, я в этом абсолютно уверен. Но изменить прошлое можно. Если сделать поправку на сопротивление — можно. — Эл смотрел на меня, его глаза сверкали на изможденном лице. — В любом случае историю Каролин Пулин можно закончить словами: «После этого она жила долго и счастливо». Так?

— Так.

— Загляни под заднюю обложку тетради, которую я тебе дал, дружище, и, возможно, ты изменишь мнение. Там распечатка, которую я сделал сегодня.

Я заглянул и увидел кармашек из плотной бумаги для хранения служебных записок и визитных карточек. Внутри лежал сложенный лист. Я достал его, развернул, долго на него смотрел. Это была компьютерная распечатка первой полосы газеты «Лисбон уикли энтерпрайз». Под названием стояла дата: 18 июня 1965 года. Статье предшествовал заголовок: «**ВЫПУСКНОЙ КЛАСС ЛСШ УХОДИТ СО СЛЕЗАМИ СЧАСТЬЯ**». На

фотографии лысый мужчина (академическую шапочку он сунул под мышку, чтобы не свалилась с головы) наклонялся к девушке, которая сидела в инвалидном кресле. Мужчина держался за один край аттестата, она — за другой. Под фотографией значилось: «Каролин Пулин достигла главной цели на долгом пути к выздоровлению».

Я в недоумении уставился на Эла:

— Если ты изменил будущее и спас ее, как такое может быть?

— Каждое путешествие — сброс на ноль, дружище. Помнишь?

— Господи! Когда ты отправился останавливать Освальда, все, что ты сделал, чтобы спасти Пулин, стерлось?

— Да... и нет.

— Что значит — да *и* нет?

— Путешествию в прошлое, чтобы спасти Кеннеди, предстояло стать последним, но я мог не спешить в Техас. С какой стати? В сентябре пятьдесят восьмого Кролик Оззи — так его прозвали братья-морпехи — еще не вернулся в Америку. Он плавал по Тихому океану в составе своего подразделения, защищал демократию для Японии и Тайваня. Поэтому я вновь отправился в пансионат «Тенистые домики» на Себаго и болтался там до пятнадцатого ноября. По второму разу. Но когда наступил этот день, я выехал еще раньше, и чертовски правильно сделал, потому что теперь не отделался двумя спущенными колесами. У моего чертова «шевроле» полетел коленвал. И мне пришлось заплатить шестьдесят долларов механику на автозаправочной станции в Наплсе, чтобы тот одолжил мне на день свой автомобиль. В залог я оставил ему перстень морпеха. На этом мои злоключения не закончились, но сейчас я не буду о них вспоминать...

— Опять рухнул мост в Дарэме?

— Не знаю, дружище, той дорогой я не поехал. По моему разумению, человек, который не извлекает уроков из прошлого, — идиот. Но я теперь точно знал, с какой стороны подъедет Эндрю Каллем, и успел вовремя. Дерево перегораживало дорогу, как и прежде, и когда он подъехал, я пытался его оттащить, как и прежде. На пару мы справились с деревом, а потом я почувствовал боли в груди, как и прежде. Мы разыграли ту же комедию, Каролин Пулин и ее отец отлично провели субботу в лесу, а пару недель спустя я попрощался с Мэном и на поезде укатил в Техас.

— Тогда почему я держу в руках фотоснимок с выпускного, на котором она сидит в инвалидном кресле?

— Потому что каждое путешествие через «кроличью нору» — сброс на ноль. — Вновь Эл просто смотрел на меня, чтобы увидеть, когда до меня дойдет. И до меня дошло, где-то через минуту.

— Я?..

— Совершенно верно, дружище. Ты сегодня купил кружку рутбира за десять центов. И вернулся Каролин Пулин в инвалидное кресло.

Я помог Элу добраться до спальни, и он пробормотал: «Спасибо, дружище», — когда я опустился на колено, чтобы расшнуровать ему туфли и снять их. Возмутился он, лишь услышав мое предложение сопроводить его в ванную.

— Улучшать мир — важно, но не менее важно добираться до унитаза самостоятельно.

— Пока ты уверен, что тебе это удастся.

— Сегодня — уверен, а завтра будет новый день. Иди домой, Джейк. Начни читать тетрадь... там много чего написано. А утром, которое вечера мудренее, придешь сюда и скажешь, что решил. Я никуда не денусь.

— С вероятностью девяносто пять процентов?

— Как минимум девяносто семь. Если на то пошло, я не настолько плох. Сомневался, что мы с тобой продвинемся так далеко. Успеть рассказать... И добиться, чтобы ты поверил... У меня гора с плеч свалилась.

Я еще не знал, поверил ли, пусть сегодня сам побывал в прошлом, но говорить об этом не стал. Пожелал Элу доброй ночи, напомнил, что нельзя терять счет принятым таблеткам («Да, да»), и отбыл. С минуту постоял на дорожке, глядя на гнома с флагом Одинокой звезды.

«Не связывайтесь с Техасом»^[29], — подумал я... но, возможно, именно это мне и предстояло. И, учитывая трудности, с которыми столкнулся Эл, изменяя прошлое — спустившие колеса, сломанный двигатель, рухнувший мост, — я легко мог представить, что Техас попытается разобраться и со мной.

После столь бурного дня я не думал, что мне удастся заснуть раньше двух или трех утра, и несколько бы не удивился, если бы не сомкнул глаз до рассвета. Но иногда тело диктует правила. К тому времени как я добрался до дома и смешал себе некрепкий напиток (один из маленьких плюсов возвращения к холостяцкой жизни — возможность держать дома спиртное), веки у меня отяжелели. А когда допил виски и прочитал десяток страниц «Книги Освальда», глаза уже слипались.

Я ополоснул стакан в раковине, отправился в спальню (оставляя след из одежды, за что Кристи закатила бы мне жуткий скандал) и упал на широкую кровать, в которой теперь спал один. Подумал о том, чтобы потянуться и выключить лампу на прикроватном столике, но рука будто налилась свинцом. Казалось, что сочинения в затихшей учительской я правил очень и очень давно. Последнее, впрочем, не удивляло: всем известно, что время, при всей его неумолимой жесткости, иной раз на удивление пластично.

Я искалечил эту девочку. Вернул в инвалидное кресло.

Спускаясь по ступенькам из кладовки, ты не знал, кто такая Каролин Пулин, так что не кати на себя бочку. А кроме того, возможно, где-то она ходит сейчас на своих ногах. Возможно, проход через эту нору создает альтернативные реальности, или потоки времени, или что-то еще.

Каролин Пулин, получающая аттестат в инвалидном кресле. В том году, когда первое

место в хит-парадах заняла песня «Держись, Слупи» в исполнении «Маккойс».

Каролин Пулин, прогуливающаяся по своему саду с лилейниками. В тысяча девятьсот семьдесят девятом году, когда первое место заняла песня Христианской ассоциации молодежи группы «Виллидж пипл». Каролин Пулин, иногда опускающаяся на колени, чтобы вырвать сорняк-другой, затем поднимающаяся и идущая дальше.

Каролин Пулин в лесу, вместе с отцом, перед тем как стать калекой.

Каролин Пулин в лесу, вместе с отцом, на пороге превращения в обычную девушку маленького американского городка. И в каком месте этого временного потока она находилась, когда в экстренных выпусках новостей по радио и телевидению сообщили, что тридцать пятого президента Соединенных Штатов застрелили в Далласе?

Джон Кеннеди останется в живых. Ты можешь его спасти, Джейк.

Но станет ли мир от этого лучше? Нет никаких гарантий.

Я чувствовал себя человеком, пытающимся выбраться из нейлонового чулка.

Я закрыл глаза и увидел листки, слетающие с календаря. Так без лишних изысков показывали уходящее время в старых фильмах. Я видел, как они вылетают из окна моей спальни, словно птицы.

Прежде чем я провалился в сон, мне в голову успело прийти еще одно воспоминание: идиот-десятиклассник с идиотским подобием бородки, улыбаясь, бормочет: «Гарри-Жаба прыгает по а-ве-ню!» И Гарри, останавливающий меня, когда я хочу призвать нахала к порядку: «Не берите в голову. Я к этому привык».

На том я и отрубился.

3

Я проснулся от утреннего света и пения птиц, пощупал лицо, в уверенности, что плакал, перед тем как открыть глаза. Должно быть, мне приснилось, пусть я и не помнил подробностей, что-то очень грустное, потому что я не из плаксивых.

Сухие щеки. Никаких слез.

Не отрываясь от подушки, я повернул голову, чтобы взглянуть на часы на прикроватном столике. Без двух минут шесть. Судя по яркости света, ожидалось прекрасное июньское утро, и занятия в школе закончились. Первому дню летних каникул учителя обычно радуются не меньше учеников, но меня не отпускала печаль. Печаль. И не только потому, что предстояло принять трудное решение.

На полпути к душе в моей голове вспыхнули три слова: *Кавабанга, Буффало Боб*^[30].

Я остановился, голый, и широко раскрытыми глазами уставился на собственное отражение в зеркале гардероба. Теперь я вспомнил сон, и меня уже не удивляло, что я проснулся грустным. Мне приснилось, что я сижу в учительской, читаю сочинения учеников-взрослых, а в расположенном дальше по коридору спортивном зале катится к завершению очередной четверти баскетбольный матч. Моя жена только что вернулась из центра реабилитации. Я надеюсь, что к моему приезду она будет дома и мне не придется просидеть час на телефоне, чтобы отыскать ее и вытащить из какого-нибудь местного бара.

В этом сне я кладу сочинение Гарри Даннинга на стопку других сочинений и начинаю читать:

Это был не день а вечер. Вечером который изменил мою жизнь, стал вечер

Понятное дело, такое сочинение завладело моим вниманием, и быстро. Чего там, оно зацепило бы любого. Но мои глаза начало щипать, лишь когда я добрался до той части, где говорилось о его одежде. Про одежду он упомянул не случайно. Когда дети выходят из дома одним особенным осенним вечером с пустыми сумками, надеясь набить их сладостями, детские наряды обычно отражают сиюминутные увлечения. Пять лет назад каждый второй подросток появлялся у моей двери в очках Гарри Поттера и с переведенным на лоб шрамом в форме молнии. Когда, много лун тому назад, я сам впервые отправился выклянчивать сладости (мать по моему настоятельному требованию следовала за мной в десяти футах), на мне был костюм снежного штурмовика из фильма «Империя наносит ответный удар». Так что не стоило удивляться, что Гарри Даннинг остановил свой выбор на куртке из оленьей замши.

— Кавабанга, Буффало Боб, — поздоровался я со своим отражением и внезапно рванул к кабинету. Я не держу дома работ учеников — никто из учителей не держит, они бы завалили весь дом, — но у меня вошло в привычку ксерить лучшие сочинения. Они служили отличным подспорьем в учебном процессе. Сочинение Гарри я бы никогда не использовал — слишком уж оно было личное и предназначалось исключительно для моих глаз, — но я помнил, что вроде бы все равно снял копию, раз уж оно вызвало у меня столь сильную эмоциональную реакцию. Выдвинул нижний ящик и принялся рыться в этом сорочьем гнезде из папок и бумаг. Нашел искомое пятнадцать минут спустя, изрядно вспотев. Сел за стол и начал читать.

Это был не день а вечер. Вечером который изменил мою жизнь, стал вечер когда мой отец убил мою мать и двух братьев и тяжело ранил меня. От него досталось и моей сестре, и она ушла в кому. Через три года она умерла, не очнувшись. Ее звали Эллен и я очень ее любил. Она любила собирать цвиты и ставеть их по вазам. То, что случилось в тот вечер, выглядело как фильм ужасов. Я больше не хочу в кино на фильмы ужасов потому что пережил один вечером Хэллоуина в 1958.

Мой брат Трой слишком вырос, чтобы ходить по домам требуя у хозяев сладость или гадость (15). Он сидел рядом с моей мамой, смотрел телевизор и говорил, что поможет нам съесть сладости, которые мы принесем и Эллен, она сказала нет ты не поможешь, надевай хэлуинский костюм и иди сам собирай сладости, и все рассмеялись потому что мы все любили Эллен, ей было только семь и выглядела она настоящей Люсиль Болл^[31] могла рассмешить любого даже моего отца (если он был трезвым, потому что пьяным он всегда злился). Она оделась, как принцесса Летоосень Зимавесенняя (я заглянул в словарь чтобы посмотреть, как это пишется) а я — как Буффало Боб, оба из шоу «ХАУДИ-ДУДИ» которое мы любили смотреть. «Скажите, детки, который час?» и «Давайте услышим это от Арахисовой галереи^[32]» и «Кавабанга, Буффало Боб!!!» Мы с Эллен обожали это шоу: она любила принцессу а я любил Буффало Боба. Мы хотели чтобы наш брат Тагга (его имя было Артур, но все называли его Таггой, я

уже не помню почему) оделся мэром Файнесом Т. Бластером^[33], но он отказался, заявил что это передача для малышей и он оденется «Франкиштенем» хотя даже Эллен сказала что маска очень страшная. Опять же Тагга начал вешать мне лапшу на уши чтобы я отдал ему мою духовушку «Дейзи» потому что в шоу у Буффало Боба никогда никакого оружия нет. И моя мама на это сказала: «Ты можешь взять духовушку Гарри потому что это не настоящая винтовка и даже не стреляет игрушечными пулями так что Буффало Боб возражать не будет». Это последнее что она мне сказала и я рад, что сказала хорошее потому что могла и отругать.

Мы уже собрались уходить и я сказал подождите минуточку мне надо в туалет потому что я очень взволновался. Они все рассмеялись, даже мама и Трой, сидевшие на диване но желание сделать пи-пи спасло мне жизнь потому что именно в тот момент отец вошел с молотком. Мой отец он становился злобным когда напьется и бил мою мать «снова и снова». Один раз когда Трой попытался остановить его он сломал Трою руку. В тот раз его чуть не посадили в тюрьму (моего отца). В любом случае мои отец и мать разъехались к тому времени, о котором я пишу, и она думала о разводе, но тогда в 1958 это было не так легко как сейчас.

В общем, он вошел в дверь и я находился в ванной и писал и слышал голос матери: «Убирайся отсюда с этой штуковиной, ты не имеешь права быть здесь». А потом она начала кричать. И они все начали кричать...

Сочинение на этом не заканчивалось — продолжалось еще три ужасные страницы, — но дочитывал его уже не я.

5

До половины седьмого оставалось еще несколько минут, но я нашел телефон Эла в справочнике и без колебаний набрал номер. И не разбудил его. Он взял трубку после первого гудка. Голос его больше напоминал рычание собаки, чем человеческую речь.

— Эй, дружище, ты у нас ранняя птичка?

— Я хочу тебе кое-что показать. Школьное сочинение. Ты знаешь того, кто его написал. Должен знать. Его фотография висит на «Стене славы».

Он закашлялся, прежде чем ответить:

— На «Стене славы» много знаменитостей, дружище. Я думаю, там есть и Фрэнк Аничетти, времен первого фестиваля «Мокси». Уточни, пожалуйста.

— Я лучше тебе покажу. Можно приехать?

— Если не боишься увидеть меня в халате, приезжай. Но теперь я должен прямо спросить тебя, раз уж ночь прошла, а утро, как известно, вечера мудренее. Ты принял решение?

— Я думаю, что сначала должен совершить еще одно путешествие.

И положил трубку до того, как он задал следующий вопрос.

6

При вливающимся в окно гостиной свете раннего утра Эл выглядел совсем плохо. Белый махровый халат болтался на нем, как обвисший парашют. Отказ от химиотерапии сохранил ему волосы, но они заметно поредели и стали тонкими, как у младенца. Глаза, похоже, запали еще сильнее. Он дважды прочитал сочинение Гарри Даннинга, уже собрался отложить, потом прочитал в третий раз. Наконец посмотрел на меня:

— Иисус Христос на ломаной повозке.

— Я плакал, когда читал это впервые.

— Неудивительно. Меня особенно зацепила часть с духовушкой «Дейзи». В пятидесятых реклама духовых винтовок «Дейзи» красовалась на обратной стороне каждого чертова комикса. Любой пацан в моем квартале — думаю, вообще любой пацан — мечтал о двух вещах: духовой винтовке «Дейзи» и енотовой шапке, как у Дейви Крокетта^[34]. Он прав, никаких пулек, даже игрушечных, но мы заливали в ствол немного масла для тела «Джонсонс беби», потом закачивали воздух, нажимали спусковой крючок — и из ствола вылетало облачко синеватого дыма. — Он вновь посмотрел на ксерокопию. — Этот сукин сын убил жену и троих детей молотком? Го-о-осподи!

Он только начал размахивать им, — написал Гарри. — Я вбежал в гостиную и стены забрызгала кровь и что-то белое лежало на диване. Мозги моей матери. Элен, она лежала на полу стулом-качалкой придавило ей ноги и кровь текла из ушей и по волосам. Телик работал и показывал ту передачу, которую любила моя мама об Эллери Куине, разгадывающим преступления.

Преступление, совершенное тем вечером, не имело ничего общего с элегантными детективными головоломками, которые распутывал Эллери Куин. Бойня, не больше и не меньше. Десятилетний мальчик, захотевший пописать перед тем, как отправиться просить сладость за обещание не делать гадость, вернулся из ванной в тот самый момент, когда его пьяный, рычащий отец расколол надвое череп Артура Даннинга по прозвищу Тагга, пытавшегося уползти на кухню. Потом он увидел Гарри, а тот поднял духовушку «Дейзи» и сказал: «Не подходи ко мне, папочка, а не то я тебя застрелю».

Даннинг бросился на мальчишку, размахивая окровавленным молотком. Гарри выстрелил в него из духовушки (я буквально услышал: «Ка-чух!» — хотя никогда из нее не стрелял), потом отбросил винтовку и метнулся в спальню, которую делил с уже убитым Таггой. Входя в дом, его отец не захлопнул дверь, и где-то — «по звуку в тысяче миль», так написал уборщик — смеялись соседи, а дети во все горло вопили: «Сладость или гадость?»

Даннинг, конечно, убил бы оставшегося сына, если бы не споткнулся о перевернувшийся «стул-качалку». Он растянулся на полу, поднялся и побежал в комнату младших сыновей. Гарри пытался забраться под кровать. Отец вытащил его оттуда и ударил по голове молотком. Наверняка бы убил, если бы залитая кровью рукоятка не провернулась в руке. Вместо того чтобы раскроить голову, молоток только задел ее над правым ухом.

Я не потерял сознание но почти. Продолжал пытаться заползти под кровать и едва почувствовал как он ударил меня по ноге но он ударил и сломал ее в четырех разных местах.

Живший в том же квартале мужчина, который, охотясь за сладостями, обходил дома с

дочерью, вбежал в открытую дверь. Несмотря на бойню в гостиной, соседу достало духу схватить лопату для выгребания золы со стойки с инструментами у дровяной печи на кухне. Ею он и огрел Даннинга по затылку, когда тот пытался перевернуть кровать, чтобы добраться до истекающего кровью, полубессознательного сына.

Потом я потерял сознание как Эллен только мне повезло и я очнулся. Доктора сказали что могли ампутировать мне ногу но в конце они этого не сделали.

Да, ногу ему сохранили, и со временем он стал уборщиком в Лисбонской средней школе, известным поколениям учеников как Гарри-Жаба. Были бы дети добрее, знай они причину его хромоты? Едва ли. Подростки, конечно, существа эмоционально нежные и в высшей степени ранимые, однако с сочувствием у них не очень. Это приходит позже, если вообще приходит.

— Октябрь тысяча девятьсот пятьдесят восьмого, — прорычал Эл. — И я должен поверить, что это совпадение?

Я вспомнил, что сказал юному Фрэнку Аничетти о рассказе Ширли Джексон, и улыбнулся.

— Иногда сигара — просто курево, а совпадение — просто совпадение. Я знаю только одно: это еще один переломный момент.

— А почему я не видел этой истории в «Энтерпрайз»?

— Это случилось не здесь. В Дерри, в северной части штата. Когда Гарри поправился и выписался из больницы, его взяли к себе дядя и тетя, жившие в Хейвене, городке, расположенном в двадцати пяти милях к югу от Дерри. Они усыновили мальчика, и он начал работать на семейной ферме, когда стало ясно, что в школу ему не ходить.

— Прямо-таки «Оливер Твист» или что-то в этом роде.

— Нет, они на самом деле хорошо к нему относились. Вспомни, в те дни не было вспомогательных классов, да и выражение «умственно отсталый» еще не изобрели.

— Знаю, — сухо ответил Эл. — Тогда «умственно отсталый» означало, что ты кретин, тупица или просто слабоумный.

— Но он не был таким — ни тогда, ни теперь, — заметил я. — По большому счету, я думаю, причина — главным образом в пережитом шоке. В психологической травме. Ему потребовались годы, чтобы оправиться от того вечера, а когда это наконец удалось, ходить в школу было уже поздно.

— Но он все-таки получил аттестат, только уже в зрелом возрасте. Чуть ли не стариком. — Эл покачал головой. — Жизнь впустую.

— Чушь, — не согласился я. — Хорошая жизнь никогда не проходит впустую. Могло ли его ждать лучшее будущее? Да. Могу ли я этому поспособствовать? Судя по вчерашнему, возможно, могу. Но главное не в этом.

— Тогда в чем? Потому что для меня это та же Каролин Пулин, а с ней мы уже все доказали. Сделай это — и мир не взорвется, как проколотый воздушный шарик. Налей мне еще чашку кофе, Джейк? И себе налей, раз уж ты там. Он горячий, судя по твоему виду — самое то.

Наливая кофе, я заметил сдобные рогалики. Предложил один Элу, однако он покачал головой.

— Твердая пища вызывает у меня боли при движении по пищеводу. Но если хочешь

впихнуть в меня немного калорий, в холодильнике стоит шестибаночная упаковка «Эншуэ»^[35]. По мне, вкус как у охлажденных соплей, но я могу переправить эту отраву в желудок.

Когда я принес смесь в фужере для вина, который отыскал в буфете, он хрипло рассмеялся.

— Думаешь, вкус от этого улучшится?

— Возможно. Если представишь себе, что это «Пино нуар».

Эл выпил половину, и я видел, что он усиленно борется с рвотным рефлексом, чтобы не дать смеси выплеснуться наружу. Этот поединок он выиграл, отодвинул фужер, взялся за кружку кофе. Пить не стал, просто обхватил ладонями, словно хотел вобрать в себя часть тепла. Наблюдая за ним, я сделал перерасчет времени, которое ему осталось.

— Итак, что тут особенного?

Не будь он так сильно болен, сообразил бы сам. Ума ему хватало.

— Дело в том, что Каролин Пулин — не самый подходящий объект для эксперимента. Ты спас ей не жизнь, Эл, только ноги. И в обоих вариантах все у нее более-менее сложилось — и когда Каллем подстрелил ее, и когда ты ему помешал. Опять же, она не выходила замуж. То есть никаких детей. Получается... — Я замялся. — Не обижайся, Эл, но ты выступил в роли врача, который сохранил воспалившийся аппендикс. Аппендикс, конечно, счастлив, но проку от него никакого, даже от здорового. Ты понимаешь, о чем я?

— Да. — Но мне показалось, что он немного рассердился. — Ничего лучше Каролин Пулин я найти не смог. В моем возрасте время ограничено, даже если нет жалоб на здоровье. Я нацелился на большой приз.

— Я тебя не критикую. Однако семья Даннингов подходит для эксперимента гораздо больше, потому что речь идет не о парализованной девочке, какие бы беды это ни принесло ей и ее семье. Мы говорим о четверых убитых и одном покалеченном на всю жизнь. Кроме того, мы его знаем. После вручения ему аттестата об окончании средней школы я привозил его к тебе в закусочную, чтобы съесть бургер, а ты, увидев шапочку и мантию, угостил нас за счет заведения. Помнишь?

— Да. Тогда я и сфотографировал его для моей «Стены».

— Если я смогу это сделать... Если не позволю его отцу размахивать молотком... Как думаешь, останется ли там эта фотография?

— Не знаю, — ответил Эл. — Возможно, и нет. Возможно, я не вспомню, что она там висела.

Углубляться в теорию мне не хотелось, поэтому я оставил его ответ без комментариев.

— И подумай об остальных детях — Трое, Эллен и Тагге. Конечно же, кто-то из них женится или выйдет замуж, если они вырастут. И возможно, Эллен станет великой комедийной актрисой. Разве он не написал, что в семье ее считали такой же забавной, как Люсиль Болл? — Я наклонился вперед. — Я хочу лучше понять, что происходит, если ты вмешиваешься в переломный момент. Мне это необходимо, прежде чем я решусь замахнуться на что-то значительное вроде убийства Кеннеди. Что скажешь, Эл?

— Скажу, что понимаю, о чем ты. — Эл с трудом поднялся. У меня защемило сердце только от одного взгляда на него, но когда я начал вставать, он остановил меня взмахом руки.

— Нет, оставайся здесь. Я для тебя кое-что приготовил. В другой комнате. Сейчас принесу.

Он вернулся с жестяной коробкой. Протянул мне и велел отнести на кухню. Сказал, что на столе будет проще раскладывать. Когда мы сели, он открыл жестянку ключом, который носил на груди, как медальон. Достал пухлый конверт из плотной коричневой бумаги. Открыл и вытряс внушительную стопку купюр. Я вытащил одну и в недоумении уставился на нее. Двдцатка, но вместо Эндрю Джексона на меня смотрел Гроувер Кливленд, которого, пожалуй, никто не включил бы в десятку лучших американских президентов. На обратной стороне неслись к неизбежному лобовому столкновению локомотив и пароход, а над ними красовались слова: «**FEDERAL RESERVE NOTE**»^[36].

— Похоже на деньги для «Монополии».

— Нет. Тут их не так много, как может показаться, потому что самая крупная купюра — двадцатка. Нынче, когда полный бак обходится в тридцать, а то и тридцать пять долларов, купюра в пятьдесят не вызывает удивленных взглядов и в небольшом магазинчике. Тогда все было иначе, а удивленные взгляды нам ни к чему.

— Это выигрыши по ставкам?

— Отчасти. Но в основном мои сбережения. Между пятьдесят восьмым и шестьдесят вторым я работал поваром, как и здесь, а одинокий мужчина может накопить немалую сумму, если не связывается с дорогими женщинами. А я не связывался. Как, впрочем, и с дешевыми. Оставался на дружеской ноге со всеми, но ни с кем не сближался. Того же и тебе советую. И в Дерри, и в Далласе, если ты туда отправишься. — Он поводит по деньгам исхудалым пальцем. — Здесь чуть больше девяти тысяч, если мне не изменяет память. Это примерно шестьдесят сегодняшних.

Я посмотрел на кучу купюр.

— Деньги возвращаются. Остаются независимо от того, сколько раз ты используешь «кроличью нору». — Мы это уже обговаривали, но я никак не мог себя убедить.

— Да, хотя они одновременно и там. Полный сброс на ноль, помнишь?

— Разве это не парадокс?

Он посмотрел на меня, изможденный, еле сдерживаясь.

— Я не знаю. Задавать вопросы, на которые нет ответов, — потеря времени, а у меня его осталось не много.

— Извини, извини. Что еще у тебя в коробке?

— Всякие мелочи. Но вся прелесть в том, что много тебе и не нужно. Это совсем другое время, Джейк. Ты можешь прочитать о нем в книгах по истории, но не поймешь его, не пожив там. — Он передал мне карточку социального страхования. За номером 005-52-0223. На имя Джорджа Т. Амберсона. Потом достал из коробки ручку.

— Распишись.

Я взял ручку, из тех, что раздавали на презентациях. По корпусу шла надпись «ДОВЕРЬТЕ ВАШ АВТОМОБИЛЬ ЧЕЛОВЕКУ СО ЗВЕЗДОЙ «ТЕКСАКО»». Чувствуя себя Даниэлем Уэбстером^[37], заключающим договор с дьяволом, я расписался на карточке. Когда попытался вернуть ее Элу, тот покачал головой.

За карточкой социального страхования последовало водительское удостоверение, выданное Джорджу Т. Амберсону в штате Мэн, в котором указывалось, что ростом я шесть футов и пять дюймов, глаза синие, волосы каштановые, вес сто девяносто фунтов. Родился

двадцать второго апреля тысяча девятьсот двадцать третьего года и проживал в доме девятнадцать по аллее Синей птицы в Сабаттусе. По этому же адресу я жил и в две тысячи одиннадцатом году.

— Шесть футов пять дюймов, так? — спросил Эл. — Пришлось прикинуть.

— Достаточно близко. — И я расписался на водительском удостоверении, картонном прямоугольнике канцелярского бежевого цвета. — Без фотографии?

— Штату Мэн до этого еще жить и жить, дружище. Остальным сорока восьми тоже.

— Сорока *восьми*?

— Гавайи станут штатом только в следующем году.

— Ох. — У меня перехватило дыхание, словно кто-то врезал мне в солнечное сплетение. — И что... если тебя остановят за превышение скорости, коп предполагает, что ты именно тот, чье имя указано на удостоверении?

— Почему нет? Если в пятьдесят восьмом году ты обмолвишься об атаке террористов, люди подумают, что речь о подростках, гоняющихся за коровами. Подпиши это.

Он протянул мне клиентские карточки компании «Хертц» и газовой компании «Ситис сервис», кредитные карты «Дайнерс клуб» и «Американ экспресс». «Амэкс» выпускал карточки из целлулоида, «Дайнерс клуб» — из картона. Владелец значился Джордж Т. Амберсон. Имя и фамилия были впечатаны на пишущей машинке.

— На следующий год сможешь получить настоящую пластиковую карточку «Амэкс», если захочешь.

Я улыбнулся:

— А чековая книжка?

— Я мог бы тебе ее сделать, но смысл? Вся документация с упоминанием Джорджа Амберсона будет потеряна при следующем сбросе на ноль. Вместе с деньгами, которые я положил бы на счет.

— Ох. — Я определенно тупил. — Точно.

— Не вини себя, тебе это еще в диковинку. Ты сможешь положить деньги на счет. Но не советую класть больше тысячи. Лучше держать деньги наличными, там, где в любой момент можешь их взять.

— На случай если придется быстро возвращаться?

— Верно. И кредитные карточки нужны только для подтверждения личности. Счета, которые я открыл, чтобы получить их, стерлись, когда ты прошел через «кроличью нору». Но они могут оказаться полезными... Как знать?

— Джордж получает почту на аллею Синей птицы, дом девятнадцать?

— В пятьдесят восьмом аллея Синей птицы присутствовала только на плане развития Сабаттуса, дружище. Микрорайон, где ты теперь живешь, еще не построили. Если тебя кто-нибудь спросит, отвечай, что этого требует бизнес. Они это проглотят. В пятьдесят восьмом бизнес — идол, которому все поклоняются, хотя никто не понимает, что это такое. Держи.

Он бросил мне роскошный мужской бумажник. Я вытаращился на него.

— Из *страусиной* кожи?

— Я хотел, чтобы ты выглядел процветающим. Найди какие-нибудь фотографии и положи в бумажник вместе с документами. Я приготовил тебе и другие мелочи. Несколько шариковых ручек, вот эта удобная вещичка, одновременно и нож для вскрытия писем, и линейка. Механический карандаш «Скрипто», защита для нагрудного кармана — в пятьдесят восьмом они считались необходимостью, а не причудой. Часы «Булова» на хромированном

эластичном браслете «Шпайдел». У всех крутые такие, сынок. С остальным разберешься сам. — Эл надолго закашлялся, скрючился от боли. Когда приступ закончился, на его лице выступили крупные капли пота.

— Эл, когда ты все это собрал?

— Когда понял, что до шестьдесят третьего мне не дожить. Я покинул Техас и отправился домой. Уже думал про тебя. Разведенный, без детей, умный и, что главное, молодой. Ой, совсем забыл. Это же семечко, из которого все выросло. Имя и фамилию я взял с надгробия на кладбище церкви Святого Кирилла, а потом написал письмо-заявление заведующему канцелярией штата Мэн.

Он протянул мне мое свидетельство о рождении. Я пробежался пальцами по выпуклым буквам. Чувствовалось, что бумага государственная.

Когда поднял голову, увидел, что Эл положил на стол еще один листок. С заголовком «СПОРТИВНЫЕ СОБЫТИЯ 1958–1963».

— Не теряй его. И не потому, что это твой кормилец. Просто тебе придется отвечать на множество вопросов, если этот листок попадет не в те руки. Особенно когда результаты начнут совпадать.

Я уже начал укладывать все обратно в коробку, но Эл покачал головой.

— В моем стенном шкафу для тебя припасен портфель «Лорд Бакстон», потертый по краям.

— Зачем он мне? У меня есть рюкзак. Лежит в багажнике.

Эл улыбнулся.

— Там, куда ты собрался, рюкзаки носят только бойскауты, да и то если отправляются в поход либо на слет округа или штата. Тебе придется многому научиться, дружище, но действуй осторожно, избегай ненужного риска — и ты справишься.

Я осознал, что на самом деле собираюсь отправиться туда и произойдет это немедленно, практически без подготовки. Ощутил себя человеком, который забрел в лондонские доки семнадцатого века и внезапно понял, что его сейчас шайхают ^[38].

— Но чем я занимаюсь? — чуть ли не проблеял я.

Эл вскинул брови, кустистые и теперь почти такие же седые, как и волосы.

— Ты спасаешь семью Даннингов. Разве не об этом мы говорили?

— Я о другом. Что я делаю, если люди спросят меня, как я зарабатываю на жизнь? Что мне им сказать?

— Твой богатый дядюшка умер, помнишь? Говори, что помаленьку проматываешь свалившиеся на тебя деньги, надеясь, что их хватит, пока ты пишешь книгу. Разве в каждом преподавателе английского языка и литературы не сидит несостоявшийся писатель? Или я ошибаюсь?

Если по-честному, он не ошибался.

Эл смотрел на меня, изнуренный, сильно похудевший, и в его взгляде таилось сочувствие. Возможно, даже жалость. Наконец он заговорил, очень мягко:

— Трудно даже представить себе, так?

— Да. И... Эл... Послушай... я всего лишь *обычный человек*.

— То же самое можно сказать об Освальде. Ничтожество, стрелявшее из укрытия. А из сочинения Гарри Даннинга следует, что его отец — всего лишь злобный пьяница с молотком.

— Теперь он не пьяница. Умер от острого желудочного отравления в Шоушенкской тюрьме. Возможно, паленый самогон. Это...

— Я знаю, что такое самогон. Видел не раз, когда служил на Филиппинах. И пил, к сожалению. Но Даннинг еще будет жив, когда ты туда попадешь. И Освальд тоже.

— Эл... Я знаю, ты болен, и знаю, что боль не отпускает тебя. Но ты можешь поехать со мной в закусочную? Я... — В первый и последний раз я воспользовался его любимым словечком: — Дружище, я не хочу делать первый шаг в одиночестве. Я боюсь.

— Не пропустил бы ни за какие коврижки. — Он сунул руку под мышку и поднялся с гримасой, вжавшей губы в десны. — Возьми портфель. Я пока оденусь.

8

Без четверти восемь Эл отпер дверь серебристого трейлера, дома знаменитого толстобургера. Сверкающие хромом краны над стойкой казались призрачными. Высокие табуреты перед стойкой словно шептали: *Никто больше на нас не сядет*. Большие старомодные сахарницы-шейкеры отвечали им: *Никто больше не насыплет из нас сахар — праздник закончился*.

— Дорогу «Эл-Эл Бину», — прокомментировал я.

— Совершенно верно, — кивнул Эл. — Победное шествие гребаного прогресса.

Он выдохся, жадно хватал ртом воздух, но не остановился. Обойдя стойку, повел меня к двери кладовки. Я следовал за ним, перекидывая портфель с атрибутами моей новой жизни из одной руки в другую. Старомодный портфель, с пряжками. Если бы я пришел с таким в мой класс в ЛСШ, большинство учеников рассмеялось бы. И только некоторые — с более тонким вкусом — заплодировали бы этой ретровещице.

Эл открыл дверь к запахам овощей, пряностей, кофе. Вновь поднял руку над моим плечом, чтобы включить свет. Я уставился на серый линолеум, как на бассейн, кишущий голодными акулами, а когда Эл хлопнул меня по плечу, подпрыгнул.

— Извини, но ты должен это взять. — Он протянул мне монету в пятьдесят центов. Полбакса. — Человек с желтой карточкой, помнишь его?

— Естественно. — На самом деле я совершенно о нем забыл. Мое сердце билось так сильно, что, казалось, заставляло пульсировать глазные яблоки. Язык вкусом напоминал кусок старого ковра, а беря монету, я чуть не выронил ее.

Напоследок Эл оценивающе оглядел меня.

— Пока джинсы сойдут, но ты должен заглянуть в «Мужскую одежду Мейсона» на Главной улице и купить брюки, прежде чем отправишься на север. «Пендлтоны»^[39] или твилы цвета хаки — на каждый день. Бан-лон^[40] — для выходов в свет.

— Бан-лон?

— Просто спроси, они знают. Тебе понадобятся рубашки. И вероятно, костюм. А также галстуки и зажим для галстука. Купи себе шляпу. Не бейсболку, а красивую летнюю шляпу.

Из уголков его глаз сочились слезы. И они напугали меня сильнее, чем все, что он мне наговорил.

— Эл? Что не так?

— Я просто испуган, как и ты. Но давай обойдемся без трогательной сцены прощания. Если ты вернешься, то будешь здесь через две минуты, сколько бы ни провел в пятьдесят восьмом году. Этого времени мне хватит лишь для того, чтобы включить кофеварку. Если сработает, мы выпьем по чашке, и ты мне все расскажешь.

Если. Какое важное слово.

— Можешь заодно прочитать молитву. Уложишься в две минуты?

— Конечно. Я помолюсь о том, чтобы все прошло гладко. Не слишком изумляйся тому, где ты, и ни на секунду не забывай, что имеешь дело с опасным человеком. Возможно, более опасным, чем Освальд.

— Я буду осторожен.

— Хорошо. Рот старайся не открывать, пока не освоишь тамошний жаргон и не обвыкнешься. Поспешай не торопясь. Не гони волну.

Я попытался улыбнуться, но не уверен, что у меня получилось. Портфель вдруг стал очень тяжелым, словно в нем лежали камни, а не деньги и фальшивые документы. Я подумал, что сейчас рухну в обморок. И однако, Бог свидетель, какая-то часть меня хотела отправиться туда. Ей просто *не терпелось* отправиться туда. Я хотел увидеть США из кабины «шевроле». Америка приглашала в гости.

Эл протянул исхудавшую, трясущуюся руку.

— Удачи тебе, Джейк. Да благословит тебя Бог.

— Ты хотел сказать, Джордж.

— Джордж, точно. А теперь иди. Как тогда говорили, тебе пора сваливать.

Я повернулся и медленно пошел в кладовку, напоминая человека, который в темноте пытается нащупать верхнюю ступеньку лестницы.

На третьем шаге я ее нащупал.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Общий эквивалентный аттестат — свидетельство о среднем образовании, которое выдается после прохождения тестирования по пяти основным предметам в рамках Программы аттестации взрослых. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Лисбонская средняя школа (которую окончил Стивен Кинг).

Марка рабочей одежды.

Американская художница-любительница, одна из главных представителей американского примитивизма (наст. имя Анна Мэри Мозес, 1860–1961).

Профессиональная футбольная команда. До 1971 г. называлась «Бостонские патриоты».

Американский профессиональный бейсболист.

Намек на знаменитый рекламный лозунг компании «Хайнц» — «57 видов».

Поэма «Сказание о древнем мореходе» английского поэта Сэмюэля Тейлора Кольриджа начинается с того, как главный герой останавливает одного из троих гостей, идущих на свадьбу.

Серебряный сертификат (*англ.*).

Герой повести английского писателя Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика».

Имеются в виду декоративные отверстия на крыльях моделей «бьюиков».

Смысл существования (*φρ.*).

Американский киноактер.

Газированный напиток, популярный в Северной Америке.

Десять центов.

Игра слов, основанная на особенностях чикагского выговора. Когда турист произносит название нужного ему места (East Machias), старику фермеру слышится: «Ease My Itchy Ass», то есть: «Эй, старина, не подскажите, как добраться до моего зудящего зада?»

Горячее блюдо быстрого приготовления: все ингредиенты жарятся в глубокой сковороде на максимальном огне.

Уотерфорд — город в Ирландии, славящийся своим хрусталем.

Самый знаменитый гейзер в Йеллоустонском национальном парке.

Имеется в виду одно из наиболее примечательных каменных формирований в районе города Глен-Инс.

«Переломный момент» по-английски — watershed moment; основное значение слова watershed — водораздел, водосборный бассейн.

Активный член иллинойсского отделения партии «Черных пантер». Застрелен 4 декабря 1969 г. в своей квартире во время полицейского рейда.

Североамериканская леворадикальная организация, действовавшая в период с 1973 по 1975 г. Получила всемирную известность благодаря взятию в заложники внучки миллиардера Патрисии Херст, которая впоследствии присоединилась к САО.

Прозвище Джорджа Буша-младшего, 43-го президента США.

Так высказался Джордж Буш-младший о нападениях иракских сил сопротивления на американские войска.

Здесь и далее русские слова, написанные в оригинале латиницей, оставлены в авторской редакции.

Американский писатель, биограф, историк, автор знаменитой книги «Смерть президента Кеннеди».

Глава итальянской мафии в Новом Орлеане в 1940—1970-х гг.

Так звучит рекламный лозунг департамента транспортных средств Техаса, появившийся в 1986 г. в ходе рекламной кампании за чистоту техасских дорог.

Слово «кавабанга» в детской телевизионной программе «Хауди-Дуди» (1947–1960) произносил при встрече вождь племени уругнек Удар Грома. Буффало Боб Смит — бессменный ведущий «Хауди-Дуди».

Американская комедийная актриса, звезда телесериала «Я люблю Люси».

Трибуна на сорок детей в студии, где снималась программа «Хауди-Дуди».

Еще один персонаж программы «Хауди-Дуди».

Американский народный герой освоения Дикого Запада. Погиб в битве при Аламо в 1836 г.

Марка питательных смесей для зондового кормления.

Банкнота Федеральной резервной системы (*англ.*).

Главный герой американского фильма «Дьявол и Даниэль Уэбстер» (1941).

То есть похитят для пополнения команды корабля, отправляющегося в дальнее плавание (не обязательно в Шанхай).

Брюки из шерстяной ткани производства одноименной компании.

Ткань из объемного эластичного синтетического волокна.

Американская медицинская ассоциация.

Американский политический деятель.

Губерт Горадио Хамфри — американский политический деятель.

Книга английского невролога и психиатра Оливера Сакса.

Сокращенные названия популярных марок пива «Будвайзер» и «Микелоб».

Марка пива.

Идиома, берущая начало от радиовикторины «Берешь или оставляешь» (1940–1950), которую спонсировала компания по производству механических карандашей и авторучек «Эвершарп». Во время викторины постоянно повторялся лозунг «Пиши “Эвершарп”». В силу одинакового произношения слов «right» и «write» появилась вышеуказанная идиома.

Модельный ряд автомобилей компании «Крайслер».

Американская певица и актриса. На экране не позволяла никакой фривольности. Дело дошло до того, что в конце 1960-х критики и репортеры окрестили Дорис «всемирной старой девой».

«Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло...» — Первое послание к коринфянам, 7:12.

Широкая одноцветная юбка из фетра, обычно с аппликацией, изображающей французского пуделя.

Пренебрежительное прозвище чернокожего ребенка.

Песня американского певца, актера и музыканта Бобби Дарина.

Сильное успокаивающее средство со снотворным эффектом.

Финальная серия из семи игр между чемпионами Американской лиги и Национальной лиги, в которой определяется чемпион США по бейсболу.

Как потопить польский военный корабль? Спустить на воду.

Автомат для игры в боулинг.

«Горошинки» — жевательные конфетки размером чуть больше горошины. «Восковые губки» — конфеты из цветного или ароматизированного воска, формой напоминающие полные губы. «Негритосики» — лакричные конфетки, покрытые шоколадной глазурью.

Законы Джима Кроу — совокупность законов, принятых в южных штатах, которые законодательно устанавливали расовую сегрегацию во всех общественных местах, оставляя за чернокожими американцами «сегрегированный, но равный» статус.

Строка из стихотворения П. Шелли «Озимандия» в пер. В. Брюсова.

Эффективное средство для чистки вставных челюстей.

7,2 °C.

Марка пива, производимого в Новой Англии (штат Род-Айленд).

Речь идет о нашумевшем случае (22 января 1953 г.), когда Вирджиния Тай в состоянии гипноза начала говорить на ирландском наречии и называть себя Брайди Мерфи, родившейся в округе Корк в 1798 г.

Американская певица и актриса. В детской телевизионной передаче «Клуб Микки-Мауса» (1955–1959) играла роль мышки-мушкетера.

Герой поэмы Т.С. Элиота «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока» (1917).

Член АА, завязавший с алкоголем. Билл — Уильям Гриффит Уилсон (1895–1971), один из основателей общества АА, бросивший пить в 1934 г.

Герой научно-фантастических сериалов «Люди-радары с Луны» (1952) и «Коммандо Коди — небесный маршал Вселенной» (1953).

Дом (*исп.*).

Будущие фермеры Америки.

Популярная кукла 1950–1970 гг.

В свое удовольствие (*исп.*).

Крупная американская база, располагавшаяся в 16 км от лаосской границы и в 25 км от демилитаризованной зоны между Северным и Южным Вьетнамом. С января по апрель 1968 г. вела бои в окружении.

Прозвище «Нью-Йорк Янкиз».

«Милуоки Брейвс» («Милуокские храбрецы») — профессиональная бейсбольная команда, вошедшая в Главную бейсбольную лигу в 1953 г.

Американский комментатор и обозреватель, прославившийся репортажами с матчей Главной бейсбольной лиги (1934–1966).

Имеются в виду книги, не нашедшие покупателя и лишенные обложки для последующей утилизации. Обложка отправлялась издателю в доказательство того, что сама книга уничтожена в процессе вторичной переработки.

Около 0 °C.

Отсылка к Евангелию от Луки (2:19).

Бостонский район развлечений для взрослых.

Термин, появившийся в 1920-е гг. Дешевый обед, обычно с мясом и тремя видами овощных гарниров, подаваемых на одной тарелке, зачастую синей, разделенной на сектора.

Герои телесериала «Шоу Энди Гриффита», действие которого происходит в идеализированном сонном маленьком городке на Юге.

Пренебрежительное название большого роскошного особняка, который считается претенциозным, безвкусным и не соответствующим стилю окружающей застройки.

Имеется в виду роман Натаниэля Готорна «Дом о семи фронтонах».

Особая техника игры на гитаре при помощи слайда, надеваемого на палец. В качестве слайда могут быть использованы различные твердые гладкие предметы; один из наиболее распространенных — горлышко стеклянной бутылки.

25,6 °C.

Такие плакаты — ответ на фразу Н.С. Хрущева в одном из его выступлений перед западными дипломатами: «Нравится вам или нет, но история на нашей стороне. Мы вас похороним!»

23,9 °C.

Крик души (*фр.*).

Прозвище «Питсбургских пиратов».

Общее название спортивных команд Университета Алабамы, славящегося своими спортивными достижениями.

Зд.: стиль жизни какой-либо общественной группы.

Аллюзия на поэму «Послание доктору Арбетноту» английского поэта Александра Поупа (1688–1744).

Мексиканская полая игрушка, наполненная различными угощениями или сюрпризами (конфеты, хлопушки, орехи и т. п.).

Американский музыкальный дуэт Микки Бейкера и Сильвии Вандерпул.

Дети (*исп.*).

Мышонок из мультсериала «Веселые мелодии».

Персонаж рассказа О'Генри «Как истый кабальеро».

Объединение родителей, помогающих спортивным командам школы или колледжа.

Смелее! (*исп.*)

Известный музыкант из Техаса, вундеркинд кантри.

Музыкальное явление 1960-х гг., доминирование британской рок-музыки.

Слониха, выступавшая в цирке в нью-йоркском луна-парке и убившая трех человек.

Общественная организация американских ветеранов Второй мировой войны.

Дебютный роман американского писателя Роберта Гулрика.

32,2 °C и 37,8 °C соответственно.

Притчи, 31:10, 31:13, 31:14.

Фирменное блюдо (*фр.*).

Пьеса американского драматурга Реджинальда Роуза.

Американская компания, которая продает тексты пьес и представляет авторов.

Агент ЦРУ, входивший в команду специалистов, которые по приказу Ричарда Никсона установили подслушивающие устройства в штаб-квартире демократической партии в отеле «Уотергейт».

Обозначение мужской стороны в судебном процессе в ситуации, когда настоящий истец неизвестен или анонимен. Очень часто под этим псевдонимом подразумевалось неопознанное тело.

Переиначенная первая строка самой известной рождественской песни «Silent night, holy night».

Танцевальный вечер в школе или колледже, на который девушки приглашают молодых людей.

Игристое вино, производимое в США.

Песня нью-йоркской группы «The Rays».

Роман американского писателя Хьюберта Селби-младшего.

Граница, проведенная в 1763–1767 гг. английскими землемерами и астрономами Ч. Мейсоном и Дж. Диксоном для разрешения длившегося почти столетие территориального спора между британскими колониями в Америке. До Гражданской войны служила символической границей между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

Вторая строка упомянутой выше рождественской песни «Тихая ночь, святая ночь».

Общенациональная организация фермеров и их семей.

Американский промышленник-предприниматель, инженер, пионер и новатор американской авиации, режиссер, кинопродюсер, а также один из самых богатых людей в мире.

Пьеса американского драматурга Джозефа Кесселринга.

Форма американского народного представления, в котором белые, загримированные под негров, разыгрывают комические сценки из их жизни.

Знаменитая юмористическая радио— и телепередача, действие которой разворачивается в среде афроамериканцев.

И концентрат, и сосредоточенно смотреть (*англ.*).

Имеются в виду братья Уилбур и Орвил Райт, за которыми в большинстве стран мира признается приоритет изобретения и постройки первого в мире самолета.

Имеется в виду фильм «Любовь находит Энди Харди».

Костюм, ставший неотъемлемым атрибутом свинг-культуры; отличался излишеством во всем: длинный пиджак с широкими подложными плечами, широкие отвороты, очень широкие брюки.

Пивоварня, расположенная в одноименном городе, штат Техас.

Название сборника коротких рассказов «In God We Trust, All Others Pay Cash» американского писателя и теле— и радиокomentатора Джина Шеферда.

Американская компания, помогающая новоселам освоиться на новом месте.

Поэтическое название Соединенных Штатов.

Героиня одноименных комиксов, которые печатались в различных газетах в 1929–1966 гг.

Американский политик, губернатор штата Миссисипи в 1960–1964 гг.

Культовая фигура американского движения за гражданские права, писатель. В 1962 г. стал первым афроамериканским студентом Университета Миссисипи («Оле Мисс»).

Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения.

Студенческий координационный комитет ненасильственных действий.

Генерал военно-воздушных сил США, организатор массивных бомбардировок городов Японии и берлинского воздушного моста.

Профессиональный разведчик.

Прощай (*φρ.*).

Искаж. laid off — временно уволен (*англ.*).

Шкала готовности вооруженных сил Соединенных Штатов Америки к началу возможных боевых действий.

Политический деятель, в 1961–1965 гг. постоянный представитель США в ООН.

Знаменитый приказ Уильяма Прескотта, полковника американской армии во время Войны за независимость США, отданный солдатам перед сражением на Банкер-Хилл 17 июня 1775 г.

Активный участник борьбы за гражданские права, священник, ближайший соратник Мартина Лютера Кинга.

Первая приобретенная недвижимость (небольшой дом или квартира).

Здесь и далее даты указаны так, как это принято в США: месяц, число, год.

Знаменитые американские фотографы.

Красный флаг, который поднимают на стрельбище в случае промаха.

На общественных началах, безвозмездно (*лат.*).

Картина американского художника Гранта Вуда.

Ах, Боже мой! (нем.)

Отец и сын (*фр.*).

Понятно? (*ит.*)

Знаменитая фраза из финальной сцены фильма «Касабланка».

Вывод, не соответствующий посылкам (*лат.*).

В Мировых сериях 1919 г. 8 игроков чикагской команды «Уайт сокс» обеспечили победу «Индейцам Цинциннати». Всех дисквалифицировали пожизненно. Скандал получил название «Блэк сокс».

Modus operandi (способ действия) (*лат.*).

«Рыбка по имени Ванда» — название фильма, вышедшего на экраны в 1988 г.

Русский салат, или салат оливье (*исп.*).

10,368 г.

Кварталы, облюбованные парижской богемой, художниками, писателями и интеллектуалами.

Детектив, герой радио— и телесериала «Сети зла».

Аллюзия на строку из стихотворения американского поэта Роберта Фроста «Остановка
снежным вечером у леса».

Почти было (*φρ.*).

Хроническая обструктивная болезнь легких.

Атомная электростанция, работающая в г. Вермонт, штат Вермонт, с 1972 г.

Ироническое выражение, возникшее в среде американских специалистов по ядерной энергетике в середине 60-х гг. и означающее, что при крупной аварии на АЭС ядерное топливо способно прожечь Землю насквозь и дойти до Китая.

Нью-йоркский судья, исчезнувший вечером 6 августа 1930 г. Тайна его исчезновения так и остается неразгаданной.

Консервативная фракция в демократической партии США в 1948–1964 гг. Поддерживала расовую сегрегацию и законы Джима Кроу.

Тактика умышленного затягивания сессии продолжительными речами с целью оттянуть или не допустить принятие неудобного решения.

Название рассказа английского писателя Фрэнка Ричарда Стоктона, символ нерешаемой проблемы.

26-секундный любительский документальный кинофильм, снятый Абрахамом Запрудером в Далласе 22 ноября 1963 г. На пленке запечатлено движение президентского кортежа и попадание двух пуль в шею и голову Кеннеди.